

Премия имени
Владимира Гиляровского
представляет публициста

Алексей
Самарин

СИГНАЛИЗАЦИЯ

Интернациональный Союз писателей

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Самарин Алексей Николаевич – российский писатель, получивший признание читателей. В этом сборнике представлены наиболее интересные очерки и эссе Самарина, посвященные актуальным проблемам философии, истории, культурологии, истории искусства, философии науки, а также философской психологии. Смелость, оригинальность и широта философских взглядов Самарина поражают воображение.

- **Алексей Самарин**

- **Сигнализация**

- **«Умом Россию не понять...»**

- **Психология революций**

- **Разум и Провидение**

- **Искусство и ремесло**

- **О вседозволенности**

- **Панегирик воинствующей посредственности!**

- **Иллюзия лучше смерти?**

- **Проблемы национального самосознания России**

- **Мы никогда не знали, кто мы и что нам нужно!**

- **Слово и дело. Заметки на полях**

- **Слово и дело. Примечания**

- **Злое добро**

- **Немного истории. Послесловие**

- **Ночные чары**

- **Вавилонская башня Украинской «самостийности»**

- **Рефлексия**

- **Проблемы самосознания русской души в произведениях Ф. М. Достоевского**

- **Достоевский о «бесах» революционного рационализма**

- **Достоевский о «бесах» абстрактного гуманизма**

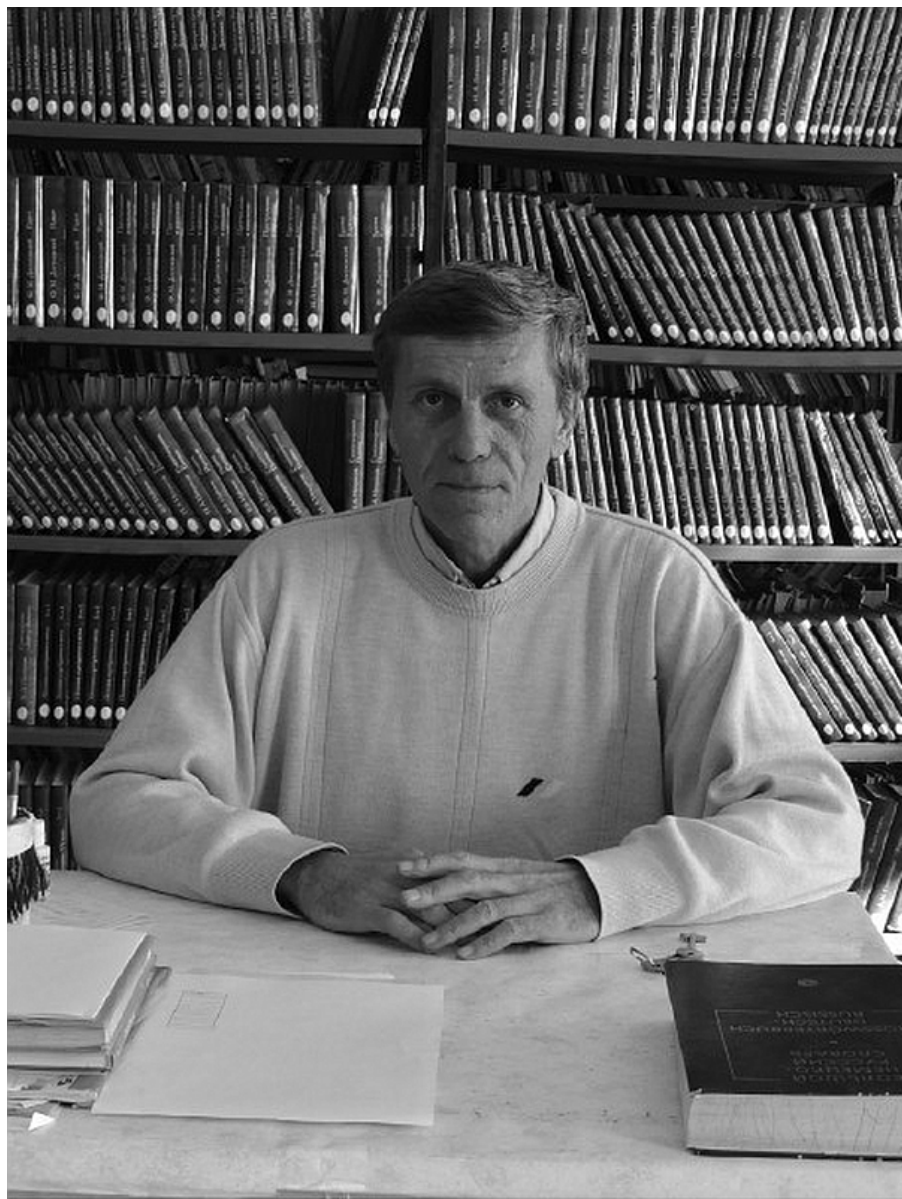
- **Достоевский о «бесах» буржуазно-мещанского практицизма**

- **Достоевский о «бесах» либерального сентиментализма**

- **Достоевский о «бесах» нигилистического**

- скептицизма
 - Ф. М. Достоевский и «бесы» рационального православия
 - Ф. М. Достоевский и православие
- Великая война
 - Введение
 - Как началась II Мировая война

Алексей Самарин
Сигнализация
Проза

Алексей Самарин

Образование высшее (1980–1985 гг., Ростовский Государственный Педагогический университет, исторический факультет). Работаю учителем истории и обществознания в МБОУ Ольшанской «СОШ № 7».

Писать начал ещё в студенческие годы. Это были небольшие

стихи о любви, эпиграммы на однокурсников и преподавателей, записывал в лекционные тетради и специально не сохранял.

Приоритетный жанр – поэзия, тематика различная.

Вышли сборники стихов:

«Смута» (2012 год), «Славянский путь», «Сказки без возраста» (2013 г.), «Стихи разных лет» (2014 г.).

Печатался в альманахах: № 9, 10 – выпуски: «Золотая строфа», свободная тема: «Золотая строфа», альманахи: «Российский колокол», «Литературная республика», «Наследие».

Издавался в коллективных сборниках: «Лучшие поэты и писатели России», «Цветаевские костры» в 2013 г.

3-е место в конкурсе «Золотая строфа» в номинации «Природа и красота» в 2013 г., призер международного конкурса «Большой финал» (2014–2015) в разделе поэзии «Посох и лира», в номинации «Что не проза, то стихи/ Мольер», номинант ежегодной Премии Союза Писателей (2014 г.).

Сигнализация

Было начало мая. В средней полосе России – благодатное время, когда заканчивается весенняя распутица, но до летней жары ещё далеко. Солнце приятно прогревает, но не печёт. Всё живое радуется жизни, тянется к свету и теплу. Время надежд и ожиданий. Изумрудная листва скрывает старую, потрескавшуюся кору и изуродованные зимней непогодой ветки. Молодая трава пробивается даже через трещины на асфальте. Неугомонные воробьи галдят и суетятся, голуби объединяются в пары и влюбленно воркуют, перелётные птицы выют гнёзда.

И так из года в год, круг размыкается и смыкается зимой. Но каждый раз в сердце просыпаются смутные и по-детски наивные чувства: «А вдруг... что-то изменится и безжалостная неизбежность отступит, время остановится и так будет всегда. Ни изнуряющего летнего зноя, ни дождливой осенней безнадёги, ни зимних морозов и метелей, а цветущие сады и воздух, врывающийся в открытые окна и наполняющий мёртвое пространство комнат запахом сирени или жасмина».

В один из таких дней Гридин Николай Николаевич и его приятель, Никитенко Александр Сергеевич оказались на берегу живописной речки с удочками, лодкой и палаткой. Выехать на рыбалку они планировали давно, но всё было как-то недосуг: мешали дела и заботы на работе и дома. С Гридиным мы уже успели познакомиться.

А его сослуживец, Никитенко Александр, был лет на десять старше. Невысокий, но плотный мужчина, с тёмными глазами, балагур и весельчак, душа компании и мечта сентиментальных дамочек в возрасте от тридцати до сорока лет. Именно любовь к слабому полу и стала причиной развода. Жена ушла два месяца назад, заподозрив в очередной измене. Но он не унывал, считал себя неисправимым оптимистом, а над Гридиным слегка посмеивался «за слишком серьёзное отношение к жизни и к женщинам в том числе».

Вот и сейчас, наблюдая за поплавком, принялся за старое. «Оседлав любимого коня», рассуждал на привычную тему, давно набившую оскомину:

– Колёк, ты умный и образованный человек, но только на первый взгляд, не обижайся на меня, я друг тебе и хочу, чтобы ты меня наконец-то понял. До тебя мне далеко, я в столичных университетах не обучался. А что дала тебе твоя книжная премудрость? Что молчишь? Не хочешь отвечать? Я скажу за тебя и думаю, не ошибусь, да и ты в душе и сам со мной соглашаешься

– ровным счётом ничего...

– У тебя клюёт, философ доморощенный, – усмехнулся Гридин. – Вот из-за таких горе-рыбаков мы вечером останемся без ухи. Я тебе предлагал запастись рыбой в магазине.

Александр прозевал поклёвку, но не огорчился и, вновь забросив удочку, продолжил:

– За уху не переживай, рыбку добудем. Вот ты романтик, а значит, добавляешь в жизнь мечты, иллюзии и прочую дребедень. Нет здесь ничего, кроме реальных интересов и, извини меня, пожалуйста, грубых животных инстинктов. Какой венец эволюции, Дарвин, наверное, в состоянии алкогольного опьянения написал подобную чушь. В каждом из нас сидит зверь, заурядный эгоист и хищник, а шерсть и хвосты мы прячем под одеждой, соблюдаем приличия для проформы, не дай Бог люди осудят. А если никто не увидит, можно творить всё, что твоя душечка пожелает, а желает она не гармонии и справедливости – собственное подленькое благополучие её интересует. Вспомни своего любимого Булгакова, что сказал Воланд: «Проходят столетия, но люди не меняются, они не плохие или хорошие, а такие, какие есть – любят то, что им ближе всего, то есть себя, конечно, и деньги, потому что они власть и свобода».

– Прямо панегирик пошлости и мещанству, – возмутился Николай, – апофеоз человеческой серости. Тебя послушать, так всех слепили по одному трафарету и в мире нет тайн и загадок, а значит, нет места и для чуда. Все одинаково безлики, желают одного и того же, мечтают, мыслят, чувствуют одинаково. Знаешь, а я не хочу жить в таком мире, мне скучно, понимаешь?

– Понимаю, – подхватил Александр, – но не помню кто, когда-то сказал, что «свобода – это осознанная необходимость»; и мы с тобой букашки, песчинки, от которых ничего не зависит, мы не в силах что-либо изменить, а значит, должны понимать и приспособливаться. Пойми, в этом вся нехитрая философия нашей жизни, нет никаких тайн и загадок, всё это выдумки вот таких, как ты, мечтателей и фантазёров. Будь на то моя воля, я бы вообще запретил детям читать художественную литературу, кроме детективов и фантастики...

– А любовные романы? Как с ними быть или они тоже вредны? – вмешался Николай. А Толстой, Достоевский, Чехов, Пушкин, они тоже недостойны нашего внимания, отвлекают, зовут куда-то. Герои, по меркам современного человека, – типичные неудачники, так, по-твоему?

больного организма на здоровые проявления жизни. Сонечка Мармеладова – образец добродетели, ангел небесный. Ты общался когда-нибудь с падшими женщинами? Разве они такие?

А он нам навязывает её в качестве идеала для подражания. Ты бы хотел, чтобы твоя будущая дочь, сестра или мать были на неё похожи?

И граф Толстой хорош: развратничать до сорока лет, а потом вдруг опомниться и строить евангельскую общину. Да мне кажется, это рецидивы белой горячки. Не случайно церковь предала его анафеме. Чехов всю жизнь страдал от чахотки, его пьесы, последние рассказы – это безысходность и замогильная тоска. Всё это – отравы для детских и юношеских душ. Понимаешь, мы должны жить «на полную катушку» не завтра или вчера, а сегодня и сейчас.

Никитенко внезапно замолчал, а потом резко дёрнул удилище, которое согнулось дугой. Что-то большое и сильное оказалось на крючке.

– А ты боялся – будет тебе уха, – процедил сквозь зубы, осторожно выуживая сазана килограмма на полтора-два. После того, как добыча оказалась в садке, он вытер ладонью выступившие капельки пота на лбу и стал объяснять, за что он любит рыбалку.

Но Николай его уже не слушал. Предзакатное солнце, коснувшись линии горизонта, замерло на мгновение, как будто решило попрощаться с водоёмом и берёзовой рощей на берегу, прежде чем исчезнуть до рассвета. Ветер стих, зеркальная гладь воды искрилась янтарём. Воздух, днём прозрачно-невесомый, сейчас стал осязаемо-плотным. Разнообразные запахи дурманили голову. Необычайная лёгкость и доверчивость, простодушная вера в чудеса завладели сознанием. Казалось, что росинка, застывшая на стебле камыша, оживёт и из неё появится Дюймовочка девочка-мечта, или добрая фея...

– Пора на берег: солнце скоро сядет, – прервал его медитацию товарищ.

Когда вытаскивали лодку из воды, обнаружили, что у них появились соседи. Выпускники сдали очередной экзамен и весело отмечали знаковое событие на природе. Шутки и заливистый, громкий смех, песни под гитару то и дело нарушали очарование тихого вечера. Гридин подумал, что так могут смеяться только молодые люди, которых ещё не потрепала жизнь. Они свято верят в светлое, безоблачное будущее и в своё особое предназначение, с презрением смотрят на осторожных родителей и пренебрежительно относятся к их мудрым советам. Себя наш знакомый, конечно, не считал старым человеком, но подростковый период его юности миновал давно, поэтому к максимализму – кредо эпатажной молодости, он относился не просто с иронией, а скептически, осуждал радикальное буйство и

протест ради протеста.

Приятели разожгли костёр, почистили рыбу. Дрова уютно потрескивали, сладкий дым голубой лентой медленно поднимался к звёздам, а огонь из темноты выхватывал отдельные предметы. Ощущение чего-то ирреального не покидало Гридина. В одиноком кусте чудился сказочный богатырь, готовый сразиться со свирепым Змеем Горынычем, похитившим прекрасную царевну. Холм вдалеке превращался в грозное шестиголовое чудовище, а роща в – его несметное лесное воинство...

– Какой запах! Что может быть лучше ухи, приготовленной на костре? – обратился к нему Никитенко с вопросом, одновременно помешивая аппетитное варево ложкой, привязанной к черенку. Скоро сварится. Знаешь, что я тебе скажу? Любая иллюзия вредна, и даже самая возвышенная. Обман он и есть обман. Помнишь у Горького: «Правда Сатина, пусть горькая, но, правда, а ложь во благо у Луки». Что лучше? Я думаю, правда. Возьмём меня, например. Ты думаешь, я циником родился? Нет, брат, ошибаешься. Я тоже в молодости бредил по ночам, даже стишки пытался писать, а Галку, свою жену бывшую, как боготворил? Только платонические чувства, к руке с трепетом прикасался. И первый поцелуй никогда не забуду и взгляд её полуприкрытых глаз. Я тебе скажу, не глаза у неё были, а глазища, голубые, с туманной поволокой, я в них, как в омуте тонул. Представь, весенний вечер, такой как сегодня, полная луна, на небе звёзд немерено, и ангел, волосы распущены и мягкие, как лебяжий пух. Счастлив был до одурения. Прибежал домой, спать не могу, у окна остаток ночи просидел, представлял ненаглядную и так явственно, что даже аромат её парфюма чувствовал, а утром, как сумасшедший, бросился на занятия. Надышаться и наглядеться не мог. Расстанемся, исчезнет она в дверях своего подъезда, и мне скучно становится, пусто без неё, будто существо одно взяли и разделили на две части. Только потом, после свадьбы, всё изменилось. Ссоры начались, сначала непродолжительные, с последующими бурными примирениями и нежными ласками. Дальше хуже: ссоры становились продолжительнее, а примирения короче и суше, так сказать. Неделями могли молчать, не разговаривать. Я стал на других женщин с интересом поглядывать, поначалу флиртовал, чтобы позлить свою благоверную, посмотри, мол, ты не ценишь, за мужчину не считаешь, а другим нравлюсь, и потом уже по-серьёзному началось. Так и расстались. И всё почему? Да потому что мы не друг друга любили, а собственные идеалы, образы и фантомы. Она во мне увидела вымышленного мужчину, собственные фантазии, а я в ней Беатриче Бесплотную узрел. А когда пелена

исчезла, оба разочаровались. Взаимные обвинения посыпались, и каждый себя правым считал, уступать не хотел. И любовь незаметно в ненависть переросла. Выяснилось, что совсем мы не близкие люди, а враги смертные. Вот тебе и иллюзия, и «волшебная сила искусства», – сказал он в заключение. – Ладно, пора ужинать и на покой, завтра встаём затемно, чтобы утреннюю зорьку не прозевать.

Они быстро поели, и Александр полез в палатку:

– Колёк, долго не сиди, а то в лодке дремать будешь. Всех звёзд не пересчитаешь, а психику расстроишь. Врачи говорят: «Все болезни от нервов, а крепкий сон успокаивает и способствует хорошему аппетиту». «В здоровом теле – здоровый дух», – римляне, как мне помнится, так писали, – уже совсем сонным голосом закончил Никитенко. А через несколько минут из палатки раздался богатырский храп, как свидетельство почтительного отношения к опыту древних.

Гридину не спалось, он смотрел на огонь и рассуждал:

– Ай да Никитенко, ай да сукин сын! Хорош, ничего не скажешь! Всё складно и логично, комар носа не подточит. Вспомнился Базаров с его сапожником, который полезнее Пушкина и вечный спор физиков и лириков. А может, правда, нет никаких загадок, и люди – бутафорские манекены с заранее заданными свойствами и качествами, а где-то за ширмой сидит генерал-кукловод и дёргает то за одну, то за другую верёвочку. Ведь в сущности, какими бы разными мы ни были, но в стандартных ситуациях все банально предсказуемы: поступаем одинаково, желаем в принципе тоже одного: счастья, то есть комфортного бытия. И пусть для какого-то это роскошная вилла на Канарах, а для другого – отшельнический скит, суть-то одна – самодостаточность, отсутствие душевного разлада, гармония Я и окружающего мира. Огорчают всех неудачи, болезни, потеря близких и родственников, мы радуемся собственным успехам, здоровью и благополучию в семьях. Даже положительные и отрицательные эмоции вызывают общие причины. Люди, например, бесконечно долго могут смотреть на огонь и воду. Где тайна, если всё заложено в нас изначально и предопределено в будущем. Значит, наша жизнь – это скорый поезд, следующий строго по расписанию, в котором указаны остановки и вокзалы.

Склонность к «самоедству» или рефлексии появилась в отрочестве. «Пагубная страсть» мучила и доставляла радость, но часто мешала идти по жизни с улыбкой на устах. Костёр постепенно догорал, подул слабый ветерок, с речки потянуло прохладой, и Николай, застёгивая куртку, зябко поёжился. Встал, сделал несколько шагов в направлении палатки, но в последний

момент изменил маршрут. Прошёл к роще и сел под берёзой, прислонившись спиной к стволу дерева. Напротив, прямо на берегу, рос какой-то кустарник. Огромная луна отражалась в живописной камышовой заводи и рассыпалась серебряной росой на молодой, ещё свежей листве. Воздух купался в матовом свете, а над рекой, шёлковой полоской тумана, вслед за руслом, убегал к горизонту. Немое очарование длилось недолго. В сонный ночной пейзаж вдохнула жизнь мелодичная соловьиная трель. Талантливые, но хаотичные наброски, обрели завершённость неповторимого, гениального шедевра.

Но, как вскоре выяснилось, не все разделяли созерцательного восторга Гридина. У молодых людей, расположившихся по соседству, вдохновенное творчество пернатого музыканта вызвало иные эмоции. Николай сначала услышал громкие, раздражённые голоса, а потом в кусты, ломая ветки, полетели какие-то тяжёлые предметы. Испуганная птица замолчала.

– Слава Богу, успокоилась курица драная. А какая тварь назойливая? Деревенский петух кукарекает пару раз и уснёт. А этот до утра надрываться будет, прямо СИГНАЛИЗАЦИЯ... – возмущённые ребята прошли совсем близко, но его не заметили. Уже в палатке, засыпая, он подумал, что нет, наверное, в мире правых или неправых, просто Творец всего сущего предоставил нам, людям, свободу выбора. Поэтому для одних соловей – драная, назойливая курица и СИГНАЛИЗАЦИЯ, а другие видят в нём органическую симфонию, олицетворение любви и красоты.

«Умом Россию не понять...»

Рабочий день заканчивался. Следователь Гридин Николай Николаевич оторвался от бумаг и уныло посмотрел на часы. Минутная стрелка двигалась со скоростью черепахи, а на последнем отрезке пути, казалось, совсем остановилась.

– О, Боже, – пробормотал он вполголоса, – я сойду с ума, ещё двадцать минут.

И опять взял в руки отчет, который составлял весь день, носил на утверждение начальнику, выслушивал замечания, корректировал и правил.

– Я пять лет учился в Москве на юридическом, получил красный диплом и попал в эту Тмутаракань, медвежий уголок, забытый не только Богом. Выслушиваю замечания косноязычного идиота, откровенного взяточника и хапуги, – он опять отвлёкся и посмотрел по сторонам.

Маленький, убогий кабинет, выдавший виды стол и ещё более допотопный стул времён царя Гороха, коричневый металлический сейф, стоявший на тумбочке у стены, зелёные панели, давно не крашенные полы, выцветшая занавеска и стёкла в грязных разводах – его апартаменты или штаб по борьбе с преступностью N-ского района, как он со злой иронией иногда называл своё служебное помещение.

Здесь Николай Гридин очутился два года назад, по распределению. Это был молодой, худощавый мужчина среднего роста: большие карие глаза, открытый и честный взгляд, правильной формы нос, тонкие, всегда плотно сжатые губы и острый подбородок. Юношеский максимализм ещё не угас, но энергии поубавилось. Нельзя сказать, что молодой человек разочаровался в профессии, просто не всё складывалось так, как он предполагал.

Ему не хватало романтики. Во время длинных, бессонных ночей, особенно зимой, когда обыватели расплзались по квартирам для просмотра входивших тогда в моду телесериалов, он ложился на диван и фантазировал. Преследовал жестоких преступников, вступал с ними в опасные единоборства или, используя дедукцию, как Шерлок Холмс, раскрывал, выводил на «чистую воду» самых матёрых и хитроумных рецидивистов-уголовников.

Николай уже собирался уходить домой, как вдруг зазвонил телефон. Он ругнулся вслух, решив, что это начальник и, посылая на его голову все мыслимые и немыслимые кары, взял трубку.

– Это милиция? – прокричал взволнованный женский голос.

Приезжайте быстрее, тётю Машу убили...Я пришла к ней за молоком, открыла калитку, а там... – тут женщина громко разрыдалась, рассказ её прервался... – Там она... лежит и кровь везде: на земле, на груди, лицо выпачкано – её убили... убили. Сын, наверное, алкаш несчастный... Она сегодня пенсию получила, я слышала, как они ругались, вернее, он... А тётя Маша – женщина спокойная и тихая... А он нигде не работает, денег на водку требовал, – подытожила соседка.

Гридин спросил куда ехать и положил трубку. Доложил начальнику и, взяв с собой двух заступивших на дежурство сотрудников милиции: сержанта Ивана Грязнова и рядового Сергея Похлёбкина – вместе с ними вышел на улицу.

– Дядя Вася, седлайте коня, ужин и вечерняя культурная программа отменяются. Будем надеяться, что «Спартак» сегодня выиграет и без нашей поддержки, зато обрадуют свою жену. Она от души наплачется «с богатыми».

Василий Никонов – водитель райотдела милиции, пенсионного возраста мужчина, с медведеобразной фигурой. Как и все грузные люди, был добродушным от природы, поэтому над ним часто подтрунивали. Он не обижался, так как сам давал поводы для шуток, рассказывая всяческие истории о своей «старухе». Так он называл жену, которая, кстати, была лет на десять его моложе, обладала привлекательной внешностью.

Ссорились они по пустякам, но самозабвенно, от души. А утром удручённый дядя Вася жаловался на несносный характер взбалмошной женщины. Знакомые посмеивались и предлагали посильную помощь в качестве парламентёров, но при одном условии, что его самого на момент переговоров не будет дома. Никонов всегда смущался, когда зубоскальство приобретало фривольный оттенок, бледнел и уходил чинить машину. Николай однажды даже был свидетелем его слёз.

Сам он никогда не смеялся над водителем. И сейчас резко оборвал своих напарников, когда они взялись за старое сразу после того, как погрузились в автомобиль. Путь по осеннему бездорожью предстоял не близкий. Деревенька Лесная находилась в шестидесяти километрах от райцентра. Но он любил дорогу. Монотонный шум двигателя успокаивал, отвлекал от повседневной суеты и бытовых проблем, мысли приобретали философскую окраску и даже выстраивались в некое подобие системы.

– Тоже мне Радищев, – усмехнулся он сам себе. А что, может, и правда, написать очерки? «Уездные записки», например?

Гридин оглянулся на Грязнова и Похлёбкина. Они сидели на заднем сиденье и бросали на него недовольные взгляды. Молодые

ребята, крепкие и здоровые, достойные представители новой формации хищников, не обременённые балластом духовных исканий и нравственными сомнениями.

– Нет, они не похожи на Мининых и Пожарских, – оформилась где-то в глубинах сознания мысль, – не бросят на алтарь Отечества своё имущество, не будут жертвовать собой, скорее наоборот, воспользуются ситуацией, чтобы что-то урвать. Для них Родина – это кормушка, дойная корова, единственным предназначением которой является обеспечение им комфортной и сытой жизни. Нет, не похожа эта «сладкая парочка» на спасителей России...

Да и провинция, нужно признать, стала другой. Обессиленная борьбой за существование, изнурённая бытовыми проблемами и низкими зарплатами, лишённая моральной опоры в лице церкви, российская глубинка давно растеряла бывшие традиции и веру. Да, да, именно вера позволяла раньше выживать в нечеловеческих условиях, теплилась лампадкой надежда на лучшую жизнь. И неважно где: либо в раю, либо при коммунизме...

Внезапно машина остановилась.

– Кажись, приехали, – неуверенно сказал дядя Вася и почесал затылок.

На улице было темно, моросил мелкий октябрьский дождик. Гридин вышел из салона автомобиля и поморщился:

– Какая мерзкая погода, – произнёс вслух и подумал, что и следов обитания живых существ здесь нет. Фонари не горят, и даже дворовые псы молчат. Неужели заблудились? Но, сделав несколько шагов, он наткнулся на препятствие: «Слава Богу, забор!»

А через несколько минут, открыв калитку, попал во двор, осветил фонариком территорию и вздрогнул. Прямо на дорожке, около входа, лежала пожилая женщина. Беззащитно раскинув руки, она жалобно смотрела на небо уже ничего не видящими глазами. Тело было холодным, два ножевых ранения в области сердца оборвали жизнь несчастной жертве. Внезапно Гридину показалось, что её губы медленно раскрылись и раздался еле уловимый для слуха шёпот. Прогнав наваждение, он послал своих спутников к соседям.

Спустя какое-то время прибежала испуганная женщина и указала дом, где скрылся предполагаемый сын-убийца.

– Он там...у своего собутельника, – и запричитала сквозь слёзы. – Что же делается такое? Куда мы идём... Если сын собственную мать из-за водки...

Лесная – маленькая деревенька. Приблизительно два десятка дворов располагались вдоль безымянной речки в один ряд.

Нужный дом нашли быстро, тем более он был единственным, где горела тусклая, жёлтая лампочка. Сын убитой, здоровенный детина лет тридцати, кажется, совсем не удивился появлению стражей порядка и с вымученной развязностью обратился к своему приятелю:

– Федя, а вот и «мусора». Проходите, гости дорогие, присаживайтесь, чем богаты, тем и рады, как говорится. Не обижайтесь, хлеб с солью не приготовили, ковровую дорожку не постелили, – а потом спросил, вытянув вперёд руки, – Начальник, браслеты надевать будешь?

Все необходимые следственные мероприятия к утру завершили, свидетелей опросили, протоколы оформили. Гридин работал, как машина, сознание отключилось, на убийцу он старался не смотреть без надобности... Уже на рассвете вспомнил почему-то Л. Андреева и его «Рассказ о семи повешенных».

– Интересно, а что думает вот это чудовище? Раскаивается, испытывает душевные муки? Или ему всё равно: атрофировалось чувство вины и вообще всё человеческое? Зверь, – но тут же себя одёрнул. – Зачем же оговаривать братьев наших меньших? Они убивают, чтобы выжить. И только человек может убить просто так. Нельзя же считать серьёзным мотивом патологическое желание выпить... Убил собственную мать...

Он посмотрел на преступника. Тот сидел на стуле, пригнувшись к полу, потом поднял голову, и взгляды их встретились.

– Осуждаешь, – не вопрошающе, а скорее утвердительно процедил сквозь зубы убийца, – и правильно делаешь. Но я больше себя наказал. Как с таким крестом на плечах жить-то теперь? Я не жалуюсь, пойми меня правильно, не вымаливаю прощения или сочувствия... Я не знаю, что делать?

Гридин его больше не слушал, странное чувство появилось в груди и начало жечь сердце, а глаза неожиданно увлажнились:

– Что за «достоевщина?» – следователь попытался отделаться от неприятных и непонятных эмоций. Передо мной сидит человек, жестоко убивший собственную мать, которая, может быть, одна на целом свете и любила его, преданно и бескорыстно, а я сопереживаю не ей... Бред какой-то.

Он поднялся:

– Ну, всё, Раскольников, пора в путь-дорожку. Сейчас попрощаешься с земляками, не скоро теперь с ними увидишься... – хотел добавить, – а может, и вообще не придётся встретиться, как судьба распорядится, – но почему-то осёкся и замолчал.

Несмотря на раннее утро и отвратительную, промозглую

погоду, проводить «душегуба» собрались все жители Лесной. Его встретили молчанием, не было гневных выкриков, никто не пытался чинить самосуд. Изредка слышались нервные женские всхлипы.

Арестованный остановился, посмотрел на собравшихся и поклонился всем в пояс. Когда садился в машину, к нему подбежали две женщины «бальзаковского» возраста, одна передала узелок с продуктами, а другая – тёплую куртку, и обе одновременно перекрестили его.

Автомобиль выехал за околицу, и Гридин оглянулся: никто не расхотелся, мужчины сняли шапки и стояли с обнажёнными головами... Он вспомнил вчерашние мысли и сегодняшние чувства во время допроса и как всё изменилось после... Нет, никогда прагматичные, рациональные европейцы не поймут «загадочной русской души». Просто нет никакой загадки, мы умеем любить и прощать, а они не могут. У нас большое горячее сердце. И тут его осенило: «А ведь последние слова убитой были молитвой о прощении».

Психология революций

Один из древних китайских мыслителей как-то сказал: «Не дай Бог жить в эпоху перемен». С ним трудно не согласиться. Новое рождается в муках, старое цепляется за жизнь, пытается сохранить прежние формы и институты, социальные нормы и правила. Поэтому важнейшими компонентами любой революции являются насилие и разрушение. Помните в «Интернационале»:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем —
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот встанет всем!

Глобальность задач предполагает и неординарные способы их разрешения. Эффективность используемых средств и методов определяется в первую очередь организованностью и решительностью носителей «нового порядка». Мотивационный инструментарий: ненависть к режиму, народу, социальной группе или классу.

Логика революционных ситуаций проста, как таблица умножения. Неавторитетная, коррумпированная власть не контролирует ситуацию. Вспомним правление Карла I, Людовика XVI и Николая II накануне великих революций 1640–1652 г., 1789–1794 г., 1917 г. Английский и французский короли созывают Парламент и Генеральные штаты. Но уже поздно. И правильные по сути решения не дают искомым результатов.

Напротив, органы сословно-представительной власти становятся трибуной протеста, стимулируют организацию оппозиционных сил. В России император идёт на беспрецедентные уступки. Страна в 1905 году де-факто становится конституционной монархией, а в феврале 1917 года, после беспорядков в Петрограде, он подписывает манифест об отречении и передаёт власть Временному комитету Государственной Думы. Результат известен всем.

Как тут не вспомнить слова П. А. Столыпина: «Сначала успокоение, а потом преобразования». Реформы, проводимые слабой властью во время конфликта, всегда приводят к беспорядкам, хаосу и анархии, кровопролитным гражданским войнам.

Ряды протестующих, как правило, состоят из мыслящей части, постулирующей программные установки, цели и боевого

чернорабочего элемента. Сразу оговоримся, последний часто выходит из-под контроля и действует самостоятельно, руководствуясь биологическими инстинктами и жадой мщения, прикрывая произвол революционной фразеологией. Такие социальные группы И. Шафаревич называл «малым народом», Л. Гумилёв – «химерой», а современная наука – «маргиналами».

Вожди и исполнители – изгои общества. Традиционная культура не вызывает у них священного трепета. Неудовлетворённое самолюбие жаждет самовыражения в самых неадекватных формах. Кромвель, Робеспьер, Дантон, Леба, Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев... в стабильном обществе остались бы на «задворках истории», не сделали бы головокружительной карьеры, не попали бы «из грязи в князи».

Когда нет моральных табу, все инакомыслящие – враги. Одержимая обречённость вне правил и запретов. Отряды «железнобоких», монтаньяры-якобинцы, «ленинская гвардия» – ими движет нечеловеческая гордыня и злоба. И пусть весь цивилизованный мир их осуждает, они готовы идти до конца.

Разум и Провидение

Классик рационалистической философии Гегель писал, что «свобода есть осознанная необходимость». Если следовать его логике, то свобода ограничена возможностями познания. А поскольку таковые постоянно расширяются, уместно предположить, что человечество в перспективе сможет управлять природой и моделировать общественные процессы, предотвращать экологические и социальные катастрофы.

Так ли это? Смею вас заверить, что нет! Люди всегда действовали вопреки логике и здравому смыслу, пренебрегали даже инстинктом самосохранения. Как тут ни вспомнить удивлённый и расстроенный возглас Людовика XVI на торопливый рассказ герцога Лианкура о взятии Бастилии:

– Это же бунт, – пробормотал король.

– Нет, государь, это революция, – печально ответил герцог.

Хотя наступление революции во Франции предвидели и предсказывали многие, но её начала никто не смог упредить. Сам король, в отличие от своего предшественника Людовика 15, получил прозвище Людовика Желанного, потому что отказался от традиционного подарка в 24 миллиона ливров, поднесённого ему по случаю вступления на престол, и начал очищать «авгиевы конюшни» королевских финансов, назначив генеральным контролёром учёного экономиста и крупного администратора Тюрго.

Что делать новому финансисту Франции было понятно, и он предложил программу реформ:

– пусть налоги платит не только народ, но и два первых привилегированных сословия: дворянство и духовенство;

– шире открыть дорогу свободному предпринимательству буржуазии.

Аристократию охватило яростное негодование. Тюрго обвинили в пренебрежительном отношении к церкви, а Людовик 16 отправил реформатора в отставку. Та же участь ожидала и его преемников, как только они приступали к решению самого больного вопроса – ликвидация дефицита государственного бюджета. Старый порядок сам рыл себе могилу. Принцип: «на наш век хватит, а после нас хоть потоп» – подавлял чувства необходимости и разумности реформ.

Дальше ещё нелепее! Аристократия, заразившись либеральными идеями просветителей: Вольтера, Монтескье, Гольбаха – не желает больше терпеть деспотизм короля, хотя и не склонна расставаться со своими привилегиями. В итоге –

Генеральные штаты, инициаторами созыва которых становится французское дворянство. Последствия известны: штурм Бастилии, кровавый якобинский террор. Знание и разум не спасли, произошло то, что должно было произойти.

Поразительно, но, спустя сто с лишним лет, аналогичную картину мы наблюдали и в России накануне октябрьской революции 1917 г. Николай 2 сначала поддержал программу П. А. Столыпина, удалил из Петрограда Распутина, но потом возвратил его со словами: «Уж лучше один Распутин, чем сто истерик за день», имея в виду свою царственную супругу.

Патриота и государственника убил в Киеве террорист-provокатор Багров в 1911 г. на юбилейных торжествах в честь 50-летней годовщины отмены крепостного права. Как тот попал в здание театра, где находился императорский двор, до нынешнего времени неизвестно. Знаем только, что он служил и охранке, и революционерам одновременно, то есть был двойным агентом. Слова Столыпина: «Дайте мне двадцать спокойных лет, и вы не узнаете России» проигнорировали.

В 1914 г. началась Мировая война, которая в конечном итоге погубила Россию. Незавершённость реформ, хаос, анархия и коррупция в высших эшелонах власти, сословный эгоизм дворянства и абсолютная неадекватность императора оценивать ситуацию. В результате не логичное отречение в феврале 1917 г. под давлением Государственной думы, превращение монархии в республику с двумя центрами власти: Временное правительство и Петроградский совет.

С февраля по октябрь 1917 г. все политические силы от кадетов и октябристов, до эсеров и меньшевиков побывали у штурвала государственного корабля. Но их реформаторский пыл имел явно негативную окраску:

- полиция и органы политического сыска были расформированы. В силовые структуры пришли не профессионалы. В стране выросла преступность, потому что объявили всеобщую амнистию, двери тюрем распахнулись и на свободе оказался маргинальный сброд. Бороться с ним было некому;

- бесславно завершилось и реформирование вооружённых сил. Введение исполнительных комитетов солдатских и матросских депутатов в армейских кругах сказалось на боеспособности и окончательно развалило последнюю опору государства.

Забыли, что написал Николаю 2 в завещании его отец Александр 3: «Помните, что у России только два союзника – армия и флот!» В итоге к октябрю 1917 г. Керенского и Зимний

дворец некому было защищать, кроме «женского батальона». Ленин и большевики пришли к власти без усилий. И опять осознание проблемы, не предотвратило грозного события. Оно произошло, потому что должно было произойти.

Теперь несколько слов о революционных ожиданиях. Эйфория первых дней быстро проходит. Праздники заканчиваются и выясняется, что будни совсем другие. Вместо свежего ветра – душная атмосфера произвола и беспредела. Хочется вернуться в прошлое, но оно уже разрушено. Каким будет новое здание, неизвестно даже архитекторам, но точно не таким, о котором мечтали революционные романтики. Русский писатель начала 20 века Л. Андреев однажды написал: «Всё приходит, но слишком поздно». От себя добавлю: и абсолютно не таким, как предполагаешь и мечтаешь!

Искусство и ремесло

Часто говорят, что личные художественные вкусы и пристрастия вне критики. Каждому своё. Одним нравится классическая музыка, другим эстрадная, кто-то читает Достоевского, Толстого, а кто-то Донцову и Полякову. Что лучше, определить невозможно, потому что спор ведётся о разных вещах и в разных плоскостях, смешиваются две различные области человеческой деятельности.

В данном случае – искусство и ремесло. Но ремесленник обустроивает дом, а художник – душу. Их объединяет одно – уровень мастерства. Следовательно, можно оценивать только способности, степень талантливости. В средние века в европейских городах подмастерье, прежде чем стать мастером, демонстрировал своё умение – изготавливал шедевр-образец.

Никто не будет отрицать, что хорошо пошитое платье, уютную квартиру, комфорт и тепло, создают талантливые люди. Но они не художники, они ремесленники. И в этом нет ничего обидного. Искусство же не серийно, оно уникально, потому что художник подобен Творцу, он создаёт новое из ничего.

Почувствовать и пережить
Тревогу, трепет, ощущение.
И в образе остановить
Болезненное впечатление.
Поэт подобен палачу:
Он, изживая, убивает
Свою болезнь или мечту,
И вновь болеет и мечтает.
Страдает, снова воплощает,
Но пустота его гнетёт,
Душа опять переживает
И избавлением живёт.

Человек, по своей сути, существо дуалистичное. Духовное и телесное, сосуществуя в нём, проявляют себя в различных сферах. Телесное, как биологическая необходимость, формирует материальный мир, обустроивает быт. Но, вместе с тем, порождает эгоизм, злобу, зависть. Выражением телесности являются натурализм и развлекательность.

Искусство есть преодоление телесности, но не в смысле её уничтожения, а одухотворения. Вырастая из чувства тоски и

неудовлетворённости, оно стремится преодолеть двойственность человеческой природы, сделать её гармоничной. В. Соловьёв в работе «Красота в природе» определяет искусство, как «чистую бесполезность», но не в плане бесплотности, а в смысле отсутствия в нём утилитарного эгоистического интереса.

С другой стороны, духовность вне связи с телесностью проявляет себя как «чистое искусство» – модернизм, кубизм, акмеизм, декаданс. Но искусство не может быть формальным, поскольку его назначение не сухой дидактизм и абстрактное теоретизирование, а привнесение гармонии, тепла, добра и красоты. Поэтому искусство это Великая Иллюзия Любви!

Цивилизация раздавила Бога грубой технической мощью и рассудочной прагматичностью. Но слова Ф. Ницше: «Бог мёртв» – не следует понимать буквально. Бог не умер, просто наши сердца потеряли способность его чувствовать. А это страшно, потому что единственным обоснованием морали может быть только религия.

Человеческое конечно и несовершенно. Бог вечен и неизменен, в нём абсолютная истина, добро, красота! Катастрофические последствия самоутверждения атеизма предвидел Ф. М. Достоевский и озвучил устами Ивана Карамазова: «Если нет бессмертия, значит, всё позволено».

Вавилонская башня рассудочной гордыни, бунт против Бога порождает чудовищ. «Верую, ибо это нелепо!» – провозгласил Блаженный Августин, потому что человеческий разум не всемогущ. Есть вещи, недоступные нашему пониманию, но они существуют.

Рациональность убивает душевность, сакральность, интимность, препарирует жизнь, как медик лягушек. В результате нет тайны, чуда, есть волчий инстинкт, борьба за выживание. Культ грубой физической силы торжествует. Кровавые революции, гражданские и мировые войны за перераспределение материальных благ.

Дон Кихоты смешны, простофили и слабаки, потому что не толкают, не вгрызаются с остервенением в плоть конкурентов. Гедонизм – вот кредо героев нашего времени. Зарабатывай, трать, деньги не пахнут, «живи на полную катушку», чтобы было потом, что вспомнить. Девственная чистота вызывает усмешки и недоумение.

Стандарты заданы шоу-бизнесом и криминалом. «Цветущую сложность» примитивный утилитаризм превратил в унылую простоту. Исчезает эпистолярный жанр, упрощается речь, усредняются вкусы. Искусство сродни гастрономическому инстинкту. Всё, что будит мысль, подвергается остракизму. Любовь не более чем репродуктивная функция биологического организма. Да здравствует Его Величество Развлечение! «Пир во время чумы!» Рим накануне гибели!

Панегирик воинствующей посредственности!

Кто сказал, что посредственность – это как «осетрина второй свежести»? Тогда 90 % жителей планеты Земля – «просроченный товар», потому что обладают обычными, средними способностями и возможностями. Не гении и не злодеи, не Фаусты и не Мефистофели. Их желания просты и незамысловаты, они хотят быть счастливыми. А счастье для большинства: семейное благополучие, уют в доме и здоровье.

Человека нельзя обвинять в том, что он не умеет писать картины, стихи, музыку, делать научные открытия. Беда в другом. Очень часто люди пытаются играть роли им не свойственные, примерять наряды не по размеру. Вспомните Грушницкого в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова. «Он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы», не свои, а чужие. Прекрасное его не трогает, он драпируется в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. «Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обречённое каким-то тайным страданием, что он сам почти в этом уверился». Не правда ли знакомо?

Посредственность лишена эстетического чувства, но поверхностное образование придаёт лоск и блеск, ретуширует изъяны, порождает новые желания и претензии, вызывает зависть к таланту, обесценивает способности. «Я такой, как и он», – вопиёт бездарность только на том основании, что научилась читать и писать.

Личные качества – причина ненависти. Даже с социальным неравенством мирятся, но индивидуальные достоинства рассматриваются как вызов ханжеской скромности. Вспомните казнь Иисуса Христа.

Смерть Христа

Пилат, вымыв руки, с народом простился
И в роще дворцовой от солнца укрылся.
Христа двое стражников сразу схватили,
Терновый венец на него возложили
И трость, когда в правую руку давали,
Глумливо колени пред ним преклоняли.

Что Царь Иудейский? Дождались?
Плевали в лицо, избивали, ругались.
Христа увели и к кресту приковали,
А вместо воды уксус с желчью давали.
Его аравийское солнце палило,
А стража одежду спокойно делила,
Которую сами с Него снимали,
Когда Ему руки к столбу прибавляли.
С Ним рядом разбойников двое висело,
Избитое тело на солнце горело,
А люди, которым Он делал добро,
Смеялись и злобно ругали Его:
«Ты храм обещал возвести за три дня.
Спаси себя сам, мы поверим в тебя»
А Он никому ничего не ответил
И смерть свою с кроткой улыбкою встретил.

Надо признать, что травлю художника организуют не власти, толпа, охочая до хлеба и зрелищ. И. В. Сталин спас М. С. Булгакова от бесчинствующих коллег – собратьев по литературному цеху. Бытовой коммунизм или, как его метко охарактеризовал А. Зиновьев, коммунальный, уничтожает всё, что не соответствует норме, большинству, «золотой середине».

Здесь гений и дурак в одной плоскости – белые вороны в серой пернатой стае. Они должны быть осуждены, изгнаны или уничтожены. Унифицированный социальный индивид не знает жалости, он вне морали, жизненный инстинкт ослепляет, борьба за существование требует ослабить потенциального конкурента. И здесь все средства хороши, последствия никого не интересуют. Пусть погибнет будущий создатель «вакцины бессмертия» или творец великих шедевров литературы, музыки, живописи. Не важно! «Сейчас на верху буду Я!» – вечный, как египетские пирамиды, заурядный потребитель жизненных благ, искатель чинов и наград мещанин-обыватель.

А Пушкины и Ломоносовы – пишите, открывайте, изобретайте для нашего комфорта и уюта, а память в бронзе и мраморе, цветы на юбилеи и упоминание в школьных учебниках мы вам обеспечим, но только после смерти!!!

Иллюзия лучше смерти?

Пронзительный гудок-приветствие и безымянная станция раскрыла свои объятия поезду дальнего следования. Худощавый, среднего роста мужчина, сидевший на нижней полке купейного вагона, вздрогнул и открыл глаза. На перроне провожающие и встречающие оживлённо галдели. Пассажир поморщился и опять вспомнил недавний разговор с приятелем. Речь шла об искусстве, слове и конкретных делах. Собеседник, сорокалетний, холёный мужчина, снисходительно его поучал:

– Что дала тебе литература: известность, богатство, независимость? Нет и ещё раз нет! Я допускаю, чтобы писать, необходим талант, но для чего? Да, рукописи не горят, но сегодня книг никто не читает...

– Прочтут потом, когда поймут, что, кроме дорогих автомобилей, курортов, роскошных вилл на лазурном побережье, есть вечные ценности. Та же литература, например.

– Ага, прозреют, но ты об этом уже не узнаешь. Одиночество, бессонница и гипертония сделают своё дело.

– Ты тоже бессмертия не купишь.

– Нет, не куплю, но, по крайней мере, могу сейчас позволить себе жить по-человечески. Уже за сорок перевалило, а у меня три двадцатилетних любовницы!

Он тогда громко рассмеялся и грубо пошутил:

– Ты что, стал педофилом? Или это гормональный бунт и кризис среднего возраста. Запомни, коллекционирование молоденьких девочек ещё никого не спасало от приближающейся старости.

– Не ёрничай, мизантроп-неудачник и завистник по совместительству, – огрызнулся знакомый и зло добавил. – А ваш рахитичный романтизм мне напоминает фантазии подростка, который мечтает о платонической любви, а ночью, пока родители спят, смотрит порнографические фильмы.

– Все мы родом из детства, но солидные дяденьки и тётеньки, повзрослев, забывают свою Родину, – возразил он ему. – Им кажется, что они всегда были такими серьёзными, добропорядочными, никогда не прогуливали уроков в школе, не шалили и не безобразничали и учились на одни пятёрки. Но житейская мудрость, к сожалению, не ограничивается только пошлым резонёрством. В твоём случае это клиника. А как ещё назвать откровенное хамство и цинизм?

– Реальным взглядом на жизнь, – ответил приятель.

Спорить с ним было бессмысленно. Они попрощались, и он

вышел на улицу, а по дороге домой продолжал размышлять:

– Не правда и ложь противостоят друг другу, а правда и иллюзия. Причём правда в реальной жизни прекрасно уживается с ложью. Последнюю часто называют заблуждением или ошибкой, допустимой погрешностью в практической деятельности.

Мы любим повторять, набившую оскомину поговорку: «Не ошибается тот, кто ничего не делает!» Таким образом, и правда, и ложь – две стороны одного по сути процесса, основой которого является конкретика или материальная составляющая жизни. Здесь ПРАВДА ЛУЧШЕ ЛЖИ, и это признает любой нормальный человек.

В данном случае правда формулируется, как проверенные житейской практикой научные законы, правила, закономерности, формулы, а ложь опровергается и отбрасывается. Иллюзия – это идеалы и образы, уникальная возможность изменить мир, увидеть необычное в повседневном и обыденном. Поэтому иллюзия – это в первую очередь любовь и искусство. Житейская правда отрицает не ложь, а иллюзию!!!

Базаров, герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», как-то произнёс: «Мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве и чёрт знает о чём, когда дело идёт о насущном хлебе, когда грубейшее суеверие нас душит...» и далее продолжает, что «хороший сапожник полезнее Пушкина».

Но иллюзия никому не мешает и ничего не отрицает, она терпима, потому что живёт в нашем сознании, не навязывает и не переносит образы в реальность, а только украшает нашу жизнь, делает нас чище и человечнее, поэтому ИЛЛЮЗИЯ ЛУЧШЕ ПРАВДЫ!!!

Проблемы национального самосознания России

Когда говорят: «Настоящих русских осталось мало», мне хочется спросить:

– А настоящих французов, немцев, англосаксов... много?

– Русскость – это кровное или культурное родство? Если культурное, то таковых было всегда мало, мы знаем их поимённо. А если кровное, то численность русского населения в 2013 г. увеличилась.

А когда «мы одни против всего мира». Это хорошо или плохо? Я думаю, хорошо. Значит, мы не такие, как все. Но это заблуждение. Сегодня англосаксонской глобализации противостоит только фундаменталистский ислам, сохранивший религиозную и отчасти национальную самобытность, и то с некоторыми оговорками – насколько искренни его адепты и что, кроме джихада и паранджи, они могут предложить.

Что касается предательства, то нас никто не предавал, мы сами себя предали. Почему-то вспоминается граф Уваров и его «православие, самодержавие, народность».

Мы всё потеряли. А разве самоубийство не предательство?

И ещё. Мы никогда не стремились к мировому господству. Даже идея богоизбранности плюралистична в своей сущности. Российская колонизация была жертвенной. Испанские конкистадоры уничтожали целые народы и самобытные культуры. Англичане практически вырезали индейцев – коренных жителей Северной Америки, а оставшимся навязали свой образ жизни. Поэтому «своя судьба у воина и своя у скота» – призыв не русский, а больше германский или англо-саксонский.

Мы никогда не знали, кто мы и что нам нужно!

Проблема национальной самоидентификации всегда была необычайно острой для русского народа, начиная с язычества, которое, кстати, «представляло многообразие верований...», а не единую систему догм. Мы всегда предпочитали заимствовать чужое, а не создавать своего. Почему? Не знаю. Скорее всего – это наше ментальное свойство. Дажьбог, Ярило и Хорс – различные дефиниции салического культа, характерного для всех земледельческих народов древности, а культ Перуна, насаждаемый первоначально Владимиром в Киеве германоваряжского происхождения.

Ряд можно продолжать до бесконечности, любой историк, я думаю, со мной согласится. Принятие византийского православия практически не изменило ситуации. На Руси долгое время существовало двоеверие. Идея «Москва – Третий Рим» оставалась чужой, широкие слои населения её просто не понимали, а петровские преобразования окончательно всё запутали, расколов общество на славянофилов и западников.

Поэтому торжество тоталитарной коммунистической идеологии в конце 19 века закономерно и оправдано. Мировоззрение не может состоять из фрагментов, оно должно быть цельным. Сегодня, отказавшись от коммунизма, мы реанимировали дохристианский период русской истории, то есть вернулись к тому, с чего начинали. Духовный вакуум, как всегда, заполняется различными суррогатами – от оккультной мистической дребедени, до грубого вульгарного материализма, с вкраплениями патриотизма и национализма. Причём мы опять заимствуем. Берём всё, что увидели, прельстившись яркой упаковкой, не задумываясь, а нужно ли нам это!

Слова абстрактны, а дела фиксируют факты и хронология. Сторонники прямого действия всегда негативно относились к «отвлечённому умствованиям». «Интеллектуальный снобизм» и сейчас вызывает у них презрение и ироничные усмешки. Но конфронтация одного и другого – величайшее заблуждение. Не ангажированному наблюдателю очевидно: мировоззренческий хаос и духовная всеядность – причины экономических кризисов, стагнации, политической и социальной нестабильности. Известно, критерий истины – практика. А она свидетельствует, что во времена Владимира язычество, культивируя племенной сепаратизм, политические амбиции князей и междоусобицу, становится архаизмом. В экономике, ориентированной на византийский рынок, стимулируются в основном присваивающие, а не производящие формы хозяйствования. Элементы автаркии – главной составляющей русской самобытности – начинают просматриваться как тенденции во Владимиро-Суздальской земле. Но походы Батыя прерывают эволюционный процесс.

Он возрождается, в несколько трансформированном виде в царствование Ивана Грозного. В государственном организме укореняются культурные традиции, свойственные восточным деспотиям. А Пётр I, руководствуясь больше эмоциями и детскими впечатлениями, нежели политической целесообразностью и здравым смыслом, добавляет в преимущественно азиатский коктейль западноевропейский компонент. Мировоззренческая анемия сначала тихо, а потом в полный голос заявляет о себе в 19 веке. Чередование реформаторов и контрреформаторов на троне логически завершается октябрьской трагедией, братоубийственной гражданской войной и эпохальным сталинским экспериментом.

Нам всегда не хватало умного дела. Не позы, не геройских поступков и эффектного восхождения на эшафот, а грубой черновой работы, повседневной и не яркой. Я думаю, со мной многие согласятся, что незаметный труд требует особого мужества.

Вот его-то (мужества) в нашем национальном характере и не оказалось. Мы быстро загорались и так же быстро тухли. Не доделав одного, переходили к следующему. Это беда русской интеллигенции. Ей всегда нужны были зрители, аншлаги, крики «браво» и букеты цветов на сцене после спектакля.

Я сознательно говорю только о самой мыслящей и образованной части общества, потому что она формирует мировоззрение, государственную идею, то есть наши перспективы и будущее. Кто-то из немецких полководцев или политиков времён Бисмарка произнёс: «Сражения выигрывают генералы, а войны школьные учителя».

Мысль трудно оспорить. Не проявив заботы о семенах и всходах, не удалив сорняков и вредителей, нельзя рассчитывать на хороший урожай. А образование современной России – это бессистемно обработанное поле или больной, лежащий в реанимации после тяжёлой операции.

Трудно назвать концепцией личностно-ориентированную парадигму с набором компетенций. Да и списано это всё один в один с американской школы.

Носители других этнических и конфессиональных традиций, если они достаточно жизнеспособны, по мнению Л. Н. Гумилёва, не ассимилируются на чужбине, а напротив, консервируют свою самобытность. В таких условиях инородные, по сути, социальные нормы сохраняются надолго и вызывают законное отторжение у туземного населения. Даже позитивные, на первый взгляд, заимствования не работают и часто приводят к совершенно противоположным результатам.

Французский писатель и мыслитель 19 в. Анатоль Франс как-то сказал: «Благими намерениями вымощена дорога в ад», а в конце 20 столетия его метко перефразировал премьер-министр России В. С. Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Сегодня мы должны честно признать, что очередной пафосный переворот – перестройка и великая революция 90-х годов, с треском провалились. Наступаем на одни и те же грабли уже в который раз. Причём предсказать результаты было не сложно.

Западноевропейская либерально-демократическая модель не приживётся на российской почве, но она обладает огромным потенциалом живучести, основы которого составляют:

1. Ориентированная на массового потребителя идеология, эксплуатирующая с христианской точки зрения, низменные человеческие инстинкты.

2. Безграничные экономические возможности финансовой олигархии (все рынки принадлежат крупным транснациональным монополиям).

3. Колоссальный военно-технический комплекс.

4. Развитые СМИ, обслуживающие интересы элиты.

Наши ответы традиционны и предсказуемы – территория, ресурсы, в данном случае нефть и газ, и ядерные ракеты. Но в настоящее время этого явно не достаточно, чтобы сохранить государственный и национальный суверенитет.

Немного истории. Послесловие

Два важных события произошли на Руси во Владимиро-Суздальской земле в 12 в. Андрей Боголюбский в 1155 г., не спрашивая согласия отца, посадившего его в Вышгороде, вернулся в Суздальскую землю. Объясняя этот поступок, летопись говорит, что Андрей «смущался о нестроении братии своей и всего племени своего, яко всегда в мятеже и в волнении, и много крови льётся, все хотят великого княжения киевского, и никому ни с кем нет мира, и от сего все княжения опустели. И восхотел идти на великое княжение в Суздаль и Ростов, говоря, что там спокойнее».

Уходя из Вышгорода, князь забрал хранившуюся в монастыре икону Божьей Матери, считавшуюся чудотворной. Она была создана в Византии в 12 в., но предание утверждало, что её написал сам евангелист Лука.

Ни в Ростов, ни в Суздаль Андрей не поехал. Как сообщает летопись, кони, везшие икону, неожиданно стали неподалеку от Владимира. Несмотря на все понукания, сдвинуть с места повозку не удалось. Пришлось заночевать. Во сне князю явилась Богородица и повелела поставить её икону во Владимире. С той поры эта икона, одна из самых почитаемых на Руси, именуется иконой Владимирской Божьей Матери. На месте, где случилось чудо, Андрей воздвиг храм Рождества Богородицы.

Другое событие. После смерти Всеволода Ольговича старший стол в Киеве занял Мстислав Изяславич, вопреки правам своего дяди Андрея Суздальского. Андрей изгоняет Мстислава, но сам не остаётся в Киеве, а отдаёт город своему младшему брату. Этот поступок был событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история принимала новый ход, с которого на Руси начинался новый порядок.

Начинало складываться самобытное государство на чисто русской основе самодостаточности (автаркии), сильной власти – самодержавной, но не деспотической, опирающейся не на боярство и купечество, а на свободное население. Это и есть, на мой взгляд, основные составляющие Русской идеи, на основе которых и должна выстраиваться наша государственная политика.

Ночные чары

Он в детстве боялся темноты. Чёрный квадрат неосвещённого пространства вызывал мистический страх, подавлял волю и разум. Ночная слепота путала мысли и освобождала из глубин подсознания духи Зазеркалья. В таинственной неопределённости зыбких силуэтов «ветряные мельницы» превращались в грозных великанов, а звуки и шорохи – в их тяжёлую поступь.

Потом страхи исчезли, и он полюбил очарование ночного одиночества. А причудливые тени, лунные блики и печальное звёздное небо не пугали, а будили душевный трепет и уносили в сказочный мир поэтических фантазий. Тёплый, оранжевый шар настольной лампы, многовековая мудрость на книжных полках, дымящийся кофе и пьянящее чувство свободы пионера-первопроходца.

«Мгновение, ради которого стоит жить. Впереди неизвестность, на девственной бумаге пока ещё нет чернильных строчек-тропинок, но скоро появятся», – подумал он и переместился с дивана в старое, уютное кресло.

«Мир не добрый и не злой, а такой, каким ты его видишь. А люди – противоречивые существа, ценят добро и искренность, а сами циничны, равнодушны, безответственны, лживы и лицемерны. Хотят любви, но не умеют ждать, стремятся к счастью, но не находят его, потому что ищут не там и не то. Счастье всегда рядом. Просто распахни глаза и сердце, оглянись: жизнь прекрасна, если не лжёшь самому себе».

Он взял авторучку и начал быстро писать: «Не лжесвидетельствуйте – так формулировал одну из заповедей древнееврейский пророк Моисей после своего свидания с Яхве на Сионе. Вроде бы всё просто: будь правдив с ближними и с самим собой!

Но сухую нравственную норму, как это часто бывает, подкорректировал здравый смысл, а практичный житейский опыт вывел утилитарную формулу категорийного императива. Сегодня, в новой редакции, народная мудрость гласит: „Все люди врут!“

И никто не спорит. Честный человек соглашается и предательски краснеет. А философ-метафизик рефлексировал и нашёптывает: „Не всё так безнадежно“. Есть две категории лжецов: корыстных и бескорыстных. Первые эксплуатируют порок сознательно. Лжесвидетельство для них капитал, ценная бумага, объект биржевых спекуляций. Вторые – неврастеники-интеллигенты, никакой меркантильной выгоды не извлекают из своих неблагоприятных поступков. Обманывают по необходимости,

чтобы не обидеть родных, близких, знакомых, коллег по работе, да мало ли кого. Патологическая скромность и воспитанность – вот причины их падения. Получается, духовно опосредованная „ложь во спасение“, мотивированная альтруизмом, ничего не приносит, кроме бессонницы и угрызений совести».

Он вздохнул и посмотрел в окно. Наступило утро, бледный, серый рассвет неуклюже вползал в комнату. Было промозгло и сыро. Шёл дождь, мелкий, осенний, противный. Лужи чернильными кляксами расползались по асфальту. Прохожие прикрывались зонтами, но непогода забиралась под воротники плащей и курток. Сыро и неуютно, слякотно на душе. Почему плохая погода всегда сегодня? Странно устроен человек: не ценит прелесть настоящего, не видит чуда рядом. Он журавлём устремляется в небеса, в будущее, вдаль...

Вавилонская башня Украинской «самостийности»

Пожалуй, начну с главного тезиса своих рассуждений:

– Стремление современной Украины к «самостийности», как и в прошлые годы, провинциально-бутафорское, по сути, потому что базируется на ценностных установках ложного национализма. Коротко постараюсь объяснить дефиниции этого понятия. Здесь уместно сослаться на две работы Н. С. Трубецкого: «К проблеме русского самопознания» и «К Украинской проблеме». Один из основателей евразийства – самобытного культурно-историософического движения русской интеллигенции 1 половины 20 века, утверждал, что истинный национализм и самопознание есть не что иное, как самобытная национальная культура.

«Народ познал самого себя, если его духовная природа, его национальный характер находят себе наиболее полное и яркое выражение в его самобытной национальной культуре, и эта культура вполне гармонична, то есть отдельные её части не противоречат друг другу. Создание такой культуры и является истинной целью всякого народа, точно так же, как целью отдельного человека, принадлежащего к данному народу, является достижение такого образа жизни, в котором полно, ярко и гармонично воплощалась бы его самобытная духовная природа. Обе эти задачи: задача народа и задача каждого отдельного индивидуума, входящего в состав народа, – теснейшим образом связаны друг с другом, взаимно дополняют и обуславливают друг друга». (Н. С. Трубецкой «История. Культура. Язык». М. 1995 г. С. 117–118).

Причём, по мнению учёного, общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна. «При пёстром многообразии национальных характеров и психических типов такая „общечеловеческая культура“ свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязала бы всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особы. И в том, и другом случае эта „общечеловеческая культура“ не отвечала бы требованиям, поставленным всякой подлинной культуре.

Истинного счастья она никому не дала бы». (Н. С. Трубецкой указ. соч. с.120.)

Стремление быть как все, войти в общеевропейскую семью народов, создать «великую державу», как самоцель, вне контекста духовного самосознания, является одной из разновидностей ложного национализма. Для таких горе-патриотов самобытность национальной культуры не имеет значения. Они хотят европеизации всех областей жизни, что «в конце концов приводит к полной утрате всякой национальной самобытности, и у народа, руководимого такими националистами, очень скоро останется самобытным только пресловутый „родной язык“». (Н. С. Трубецкой указ. соч. с.121.)

Другой вид ложного национализма – воинствующий шовинизм. Его цель – распространение своей культуры на возможно большее число иноплеменников. «Этот шовинизм, основанный на тщеславии и на отрицании равноценности народов и культур, словом – на эгоцентрическом самовозвеличивании, немислим при подлинном национальном самопознании и потому тоже является противоположностью истинного национализма». (Н. С. Трубецкой указ. соч. с.122.).

Не без основания, в качестве особой формы ложного национализма, можно считать культурный консерватизм, который «искусственно отождествляет национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта и не допускает изменение их даже тогда, когда они явно перестали удовлетворительно воплощать в себе национальную психику. В этом случае совершенно, как и при агрессивном шовинизме, игнорируется живая связь культуры с психикой её носителей в каждый данный момент, и культуре придаётся абсолютное значение, независимое от её отношения к народу: „не культура для народа, а народ для культуры“». (Н. С. Трубецкой указ. соч. с. 122).

Не трудно заметить, что все виды ложного национализма приводят к последствиям, губительным для национальной культуры: первый вид – к национальному обезличиванию, к денационализации культуры; второй – к надрыву и, как следствие, по Гумилёву, «перегреву системы и потере естественной пассионарности»; третий – к застою, предвестнику смерти.

Милая, хрупкая женщина стояла на автобусной остановке. Осеннее солнце купалось в синеве её глаз и причёске. Она улыбалась горько и грустно, сжимала губы, открывала и закрывала сумочку. Потом достала зеркальце, глянула в него и что-то негромко прошептала. Нежное очарование было в её облике и детская простодушная обида. Мне захотелось подойти к ней и сказать что-нибудь приятное, нет, не успокоить, просто сказать...

Как всегда не вовремя прозвенел будильник. Он открыл глаза, поднялся и прошёл в ванную комнату. Посмотрел в зеркало и безглаголиво поморщился:

– Какая противная физиономия!

И с облегчением подумал:

– Бриться не обязательно, всё равно ничего не исправишь. Мешки под глазами и морщины останутся, как родимые пятна, уже до конца жизни.

Успокоив себя, вслух произнёс:

– Разве утро может быть добрым? И продолжил:

– Что за идиот придумал такое приветствие? Звучит как издевательство!

Он не был оптимистом, потому что точно знал, что новый день не сулит ничего хорошего, кроме мелких служебных неприятностей. Уже одеваясь, вспомнил в коридоре:

– А мой сегодняшний сон и вчерашняя одинокая женщина на остановке как-то связаны между собой. Я к ней хотел подойти, но не подошёл. Чувствовал, что должен, сделал несколько шагов, но потом остановился. Минутной нерешительностью воспользовался нахальный автобус. Двери призывно распахнулись, и она исчезла. А рядом оказался незнакомый мужчина. Я понял, что он у меня спрашивал, и протянул ему горсть мелочи. Счастливчик скрылся в вино-водочном магазине.

Выходя на улицу, он иронично усмехнулся и добавил:

– Вот так и я стал знатным меценатом, не дал умереть ближнему!

Разговор был тяжёлым и неприятным. Он сидел на стуле и молчал, а она объясняла, почему они расстаются. Обыкновенная история. Ей скучно и всё надоело, она устала ждать. Мужчина должен быть сильным и успешным, а он неудачник и слабый человек. Да, она его любила когда-то, но сейчас... вряд ли.

Он не возражал:

– Может быть, она была права... может быть?

Он только смотрел в её холодные, зеркально-непроницаемые глаза.

У неё давно был другой мужчина – сильный, деловой, энергичный. Чем он занимался, она не знала. Дорогой автомобиль, подарки, мимолётные встречи. Настойчивый телефонный звонок и небрежно-снисходительный голос в трубке:

– Привет, буду через десять минут.

Она торопливо поправляла причёску, красилась, выбегала на улицу и садилась в машину.

– Поехали, – говорил он, даже не интересуясь, желает она этого или нет.

Домой она возвращалась сама, иногда он её подвозил.

– Небо не опрокинулось. Луна и звёзды на месте, как и миллиарды лет назад... Ты не первый и не последний. У писателя нет семьи, друзей и врагов, есть читатели.

И тут же поправил себя:

– Какой ты писатель? Всё баловство и графоманство, рецидивы гуманитарного образования.

– А вдруг я напишу шедевр? Слава, известность...

– Нобелевская премия, миллионные гонорары и бронзовый памятник при жизни... Ты этого хочешь?

– А почему бы и нет? Но дело не в этом.

– А в чём? Спустись с небес на землю. Ты не молод, твой поезд ушёл. Живи как все! Работай и отдыхай!

– А как же душа?

– Какая душа? Оглянись по сторонам... Посмотри, как все живут.

- Я так не хочу!!!
- Тогда мучайся и страдай!

* * *

Он знал, что после будет гадко и противно, но не мог остановиться. Хаос и пустота, космический холод и безмолвие. Некуда было бежать.

– Всё чужое и я здесь чужой. Это болезнь, – подумал он и сел на бревно.

Раскрыл пакет... Закурил.

Уставшее солнце спешило спрятаться за линией горизонта.

– Ты пытаешься найти гармонию? – прошептал остывающий воздух.

– Нет, её не было, нет и не будет. Я хочу тишины и покоя!

* * *

Самообладание вернулось. Он успокоился:

– Мир не становится лучше или хуже, просто кто-то хочет и умеет радоваться жизни, а кто-то нет.

– Значит ты неудачник, безнадёжный пессимист и нытик...

– Почему? Я тоже был счастлив... когда-то. Часто улыбался и...

– Вот именно, когда-то. А сейчас, ты зануда и брюзга. Сколько можно себя жалеть? Сделай что-нибудь! Соверши поступок!

– Какой поступок? Поменять круг знакомых, работу, местожительство? Или заняться сетевым маркетингом? Сказочно разбогатеть и поехать в Бразилию на чемпионат мира смотреть футбол на Маракане?

– Так говорят все лентяи и бездельники. Прояви себя в другом.

– Например, в шоу-бизнесе? Но я опять опоздал. Алла Борисовна уже замужем, да и староват я для нашей вечно молодой Примадонны.

– Не ёрничай! Ты же хотел написать шедевр, великую книгу?

– Но они все написаны! Нового я ничего не скажу.

– Тогда заведи собаку, кота или лучше попугая. Научишь его разговаривать. Благодарный собеседник рядом, будет с кем поболтать ночью. Всё измениться, в жизни появятся новые смыслы и краски. Вот увидишь! А потом... кто знает? Может, и напишешь свою книгу!

– У меня уже был кот. Но однажды он ушёл и больше не вернулся...

* * *

Казалось, телефон умер или замолчал навсегда. Он подумал:

– Здесь никто никому не нужен.

В окно заглянула луна и криво усмехнулась:

– Опять кофе, сигареты, книги? Он отмахнулся:

– Отстань, всякий раз одно и то же... А что ты можешь предложить?

– Умную беседу!

– Не люблю умных разговоров.

– Почему?

– По многим причинам.

– Например?

– Они бесконечны, и ты заранее знаешь, что скажет твой собеседник.

– А как же книги?

– Они молчат, и их в любой момент можно поставить на полку.

– Ты мизантроп?

– Нет, просто люблю одиночество.

Проблемы самосознания русской души в произведениях Ф. М. Достоевского

Роль православия в истории России трудно переоценить. Оно в прямом и переносном смысле сформировало тело и душу народа. А во время тяжёлых испытаний сохранило национальные традиции, память о единстве. Поэтому православие невозможно выделить из контекста русской национальной идеи. И наиболее прозорливые и честные представители народа это хорошо понимали. Но понимали они и другое, а именно: что здоровые чувства национального единства и солидарности не должны вырождаться в национальную гордыню и национальный эгоизм.

«Национализм есть положительное благо и ценность, как творческое утверждение, раскрытие и развитие индивидуального народного бытия. Но в этом индивидуальном образе народном должно изнутри раскрываться всечеловечество».

Национализм только тогда даёт плоды, «когда национальность творческими усилиями раскрывает в себе вселенское, не обезличивая своего индивидуально – неповторяемого образа, но, вознося его до значения всечеловеческого» – писал Н. Бердяев.

Таким национальным гением с общечеловеческим звучанием и был Ф. М. Достоевский. Его жизнь протекала в сложную, переходную эпоху. В хаосе и анархии, которые сопутствуют переменам, одни мировоззренческие стереотипы сменяли другие, новые истины сменяли старые. Простому человеку в пёстром калейдоскопе мнений, пророков и лжепророков трудно было увидеть правду. Достоевский был одним из немногих, кто её почувствовал, осознал и поверил в неё. Он сумел распознать опасности, которые таят в себе «бесы» революционного рационализма, абстрактного гуманизма, буржуазно-мещанского практицизма, либерального сентиментализма, нигилистического скептицизма и рационального православия. В своих произведениях: «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы» – он показал причину этих заблуждений: забвение христианских истин, православия. В юности социалист, участник кружка петрашевцев, пройдя через ужасы каторги, он не озлобился, а пришёл в православие, осознав, что наука и мораль,

успехи в искусстве и экономике – пустые абстракции и фантомы, если они не одухотворены светом христианства, для которого нет ни иудея, ни эллина.

Его взгляды и много лет спустя не потеряли своей актуальности. Сегодня нас снова искушают лжеистинами – бесами, которых осудил в своих произведениях Ф. М. Достоевский.

Достоевский о «бесах» революционного рационализма

Революционный рационализм в произведениях Ф. М. Достоевского представлен образами Раскольникова, Шигалёва, Петра Верховенского. Читая «Преступление и наказание», мы впервые сталкиваемся с логически выверенными, но бесчеловечными, в сущности, фантазиями главного героя – Р. Раскольникова. Он делит людей на два неравных класса: один состоит из натур властных, способных господствовать над другими и вести их за собой. Они благодетельствуют человечеству, давая ему новые великие мысли, основывая государства, совершая преобразования и т. д.; их немного. Во втором классе находится многомиллионная масса, обыкновенные люди, исторический материал. Человеческая мораль существует только для обыкновенных людей, тогда как «властители» и «вожди», люди, принадлежащие по натуре своей к первому классу, свободны от всяких нравственных предписаний. Они могут нарушать все моральные законы и даже имеют право на преступление, если оно нужно для достижения их целей. Только они имеют право называться настоящими людьми, все остальные – «презренные вши». Если это «настоящему человеку» нужно, он имеет право без всякого угрызения совести убить «вошь». Но «вши» таких прав не имеет, и потому злая «вошь», то есть обыкновенный человек, который мучит других, не обладая правами властителей, особенно достоин презрения, и его следует уничтожить в первую очередь.

Парадоксальность и аморализм идеи Р. Раскольникова прозвучали в уже несколько иной противоречивой интерпретации Шигалёва – одного из героев «Бесов», который запутался в понимании свободы и деспотизма. «Я запутался в собственных данных, – говорит Шигалёв, – и моё заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом».

И уже эта «путаница» как вполне законченная доктрина воплотилась в мрачном, хотя по-своему и величественном, Великом Инквизиторе «Братьев Карамазовых», центральной идеей которого стало именно принципиальная невозможность всеобщей народной свободы: «ибо ничего и никогда не было для человека и человеческого общества невыносимее свободы!» От этого бремени освобождают людей избранные властители, и только таким

образом, возможно устроить всеобщее человеческое счастье.

Именно таким «борцом за всеобщее человеческое счастье» предстаёт перед нами П. Верховенский – идеолог цинизма и вседозволенности, который разрешает себе даже «кровь по совести». Для этого человека нет ничего святого, внутренне невозможного, он не остановится ни перед какими злодеяниями, подлостью, не ужаснётся ничему, для него цель, безусловно, оправдывает любые средства.

Причину такой одержимости Ф. М. Достоевский видит в культе рационализма, который устраняет из жизни духовность как нечто отжившее и устаревшее, и тем самым фактически уничтожает человека как личность, упрощает его до социальной функции с ограниченным и известным набором потребностей.

Стремление единолично определять потребности и возможности народа, человечества; управление извне вместо доверия к совести каждого – одна из серьёзнейших опасностей, которой ни в коем случае не следует пренебрегать. Универсальная политическая система, какой бы она ни была, нивелирует индивидуальность, так как не доверяет человеку, его совести, нравственности. Не случайно у Достоевского всякая политическая идея порождает в конечном итоге авторитарную политическую систему, сводящую значение отдельного человека до уровня простой функциональной единицы. Система противоречит личности, а потому её принципом становится не единство, а единообразие, лишаящее человека подлинной свободы – духовной.

К каким реальным последствиям может привести следование «истине вне Христа». Это явление Достоевский мог наблюдать на примере Российской действительности 60–70 годов 19 века, в которой борьба рациональных идей нередко заканчивалась банальной уголовщиной (нечаевское дело). Поэтому он и говорит в письме к Н. Д. Фонвизинной от конца февраля 1854 года:

«...если б кто мне доказал, что Христос вне истины и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной».

Достоевский о «бесах» абстрактного гуманизма

Разновидностью революционного рационализма, по мнению Ф. М. Достоевского, является абстрактный гуманизм, который стремится создать нравственность «вне Христа», обожествить человека и человеческое. Такие взгляды в романе «Бесы» проповедует Кириллов. Он ищет «последней свободы», которая навсегда освободила бы не только его самого, но всё человечество от страха боли и страха смерти: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь всё боль и страх... Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман. Теперь человек ещё не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый... Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог. Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое...» Человек должен освободиться ото лжи и «заявить своеволие»: «Я три года искал атрибут божества моего и нашёл: атрибут божества моего – Своеволие!»

В этой идее он идёт от логического конца, утверждая то, на что не осмеливался, кажется, даже самый последовательный из атеистов: «Если нет бога, то я сам бог!» Используя евангельскую символику, Кириллов совершает как будто всего лишь формальную перестановку частей слова, но в ней – сердцевина его идеи:

«– Он придёт, и имя ему человекобог.

– Богочеловек?

– Человекобог, в этом разница».

Однако сам Кириллов ещё не счастлив, хотя понял уже про себя, что он «хорош». Ему надо ещё доказать свою идею, и доказать «математически, чтобы дважды два похоже было», а для этого необходимо «заявить своеволие в самом высшем пункте». Единственным же решающим аргументом, доказывающим идею Кириллова, становится самоубийство. «Кто будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек». «Если бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие... Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет бога, и не сознать в тот же раз, что сам богом стал – есть нелепость, иначе непременно убьёшь себя сам. Если сознаёшь – ты царь и уже не убьёшь себя сам, а будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам

непременно, чтобы начать и доказать. Я ещё только бог поневоле и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие».

Идея абсурдности рационального гуманизма, которая в своей крайности есть не что иное, как «если нет бога, то всё позволено», поднимается во многих романах Ф. М. Достоевского, но только в «Бесах» она предстаёт перед нами в своей ужасной простоте. Не случайно поэтому Кириллов подсознательно сопротивляется своему решению, этой мысли, иначе и быть не может: нормальная человеческая натура не принимает рациональной идеи, жизнь восстаёт против смерти. Сцена самоубийства Кириллова исполнена почти запредельного ужаса, так как гуманизм без Христа, вне христианства и есть самоубийство, самоубийство человечества. И мы, дети 20-го века, пережившие ужасы двух мировых войн, вступившие в 21-ый век под взрывы бомб и захваты заложников террористами, на практике ощутили прозорливость идей великого русского писателя и мыслителя Ф. М. Достоевского.

Достоевский о «бесах» буржуазно-мещанского практицизма

Осуждая революционный рационализм и абстрактный гуманизм как «мёртвые истины», Достоевский на примере Лужина из «Преступления и наказания» показывает нам истинное лицо буржуазного утилитаризма.

Лужин – носитель обыкновенного, мещанского, эгоистического мировоззрения. Чтобы на свете или в государстве было больше счастливых людей, нужно поднять общий уровень зажиточности, а так как основой хозяйственного прогресса является личная выгода, каждый должен о ней заботиться и обогащаться, не беспокоясь о любви к людям и тому подобных романтических мечтаниях, не давая им отвлекать себя от цели. Единственным ограничением для ищущего своей выгоды эгоиста является разумное чувство меры. Эта мещанская, банальная идеология отличается от воззрения Раскольникова и компании своею мелкостью, но она им все-таки как-то сродни, так что её даже можно воспринимать как своего рода пародию: это как бы обоснование права на существование той самой «вши», которую Раскольников так презирает, и при том «вши», стремящейся занять, так сказать, командное положение и посягающей таким образом на права «настоящих людей».

Простота, доступность и привлекательность, а, следовательно, и опасность таких идей была для Достоевского слишком очевидна. Поэтому в «Дневниках писателя» он предупреждал, что полное и скорое утоление потребностей понижает духовную высоту человека, незаметно приковывает его ещё сильнее к узкой сфере самоцельного умножения чисто внешних форм жизни, обостряющих многосторонность насладительных ощущений и связанных с ними «бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок». Всё это, в свою очередь, способствует в виде обратного эффекта развитию «имущественной похоти», к нескончаемому наращиванию самих сугубо материальных потребностей, беспрестанно насыщаемых обновляемыми вещами, что делает человека пленником собственных ощущений. По мнению писателя, люди, находясь в плену такого цикла, невольно соглашаются жить как животные, то есть, чтобы «есть, пить, спать, утраивать гнёзда и выводить детей. О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком – ещё слишком долго будет привлекать человека на земле...».

В представлении Достоевского подобные идеалы далеко не

безобидны для нравственного состояния личности и направления исторического развития, поскольку укрепляют в человеке «ожирелый эгоизм», делают его неспособным к жертвенной любви, потворствуют формированию разъединяющего людей гедонистического жизнепонимания. И тогда «чувство изящного обращается в жажду капризных излишеств и ненормальностей. Страшно развивается сладострастие. Сладострастие родит жестокость и трусость... жестокость же родит усиленную, слишком трусливую заботу о самообеспечении. Эта трусливая забота о самообеспечении всегда, в долгий мир, под конец обращается в какой-то панический страх за себя, сообщается всем слоям общества, родит страшную жажду накопления и приобретения денег. Теряется вера в солидарность людей, в братство их, в помощь общества, провозглашается громко тезис: „Всякий за себя и для себя“... Все уединяются и обособляются. Эгоизм умерщвляет великодушие».

Достоевский о «бесах» либерального сентиментализма

Федор Михайлович Достоевский, как любой позитивный мыслитель, не только обсуждает «бесов» рационализма и мещанского практицизма, но и стремится разобраться в причинах данной болезни, поразившей умы и души людей. В связи с этим, в его романе «Бесы» показаны духовные предтечи этих заблуждений – представители предшествующего поколения. Прежде всего, это Верховенский – старший и отчасти Кармазинов. Нет, они не хотели этого и даже ужаснулись, когда увидели практическую реализацию своих возвышенных идей, но они объективно подготовили бесовщину. И не только даже конкретными идеями, сознательным воспитанием, просвещением в определенном – либерально-атеистическом духе. Здесь можно было бы понять пафос Степана Трофимовича, который восклицает: «Вы представить не можете, какая грусть и злость охватывает всю душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватят неумелые и вытащат к таким же дуракам, как и сами, на улицу, и вы вдруг встречаете её уже на толкучем, неузнаваемую, в грязи, поставленную нелепо, углом, без пропорции, без гармонии, игрушкой у глупых ребят. Нет! В наше время было не так, и мы не к тому стремились». Но вопрос именно в том и состоит – а могло ли быть иначе? Ибо воспитывали последующее поколение не столько мысли и идеи как таковые, сколько вся система эмоционально-ценностных мироориентаций, воплощенная в определённом типе поведения либералов 40-х-50-х годов. Важнейшим же в этом типе было, если говорить коротко, невероятное расхождение слова и дела, причем ощутимо в пользу слова. Было много красивых фраз и каламбуров (эта черта останется у Степана Трофимовича почти до конца), как следствие – было чрезвычайно преувеличенное представление о собственной значимости, а дела, как выясняется, и не было. Не было даже намёка на дело. Преобладающей эмоционально-ценностной ориентацией, своего рода доминантой личности становилась сентиментальность, с её неотъемлемым свойством – рассматривать весь мир сквозь самого себя и видеть и любить, в сущности, не мир, а только лишь собственную личность. А в отношении всего остального мира рядом с сентиментальностью как-то незаметно, но, тем не менее, неизбежно, начинает прорастать цинизм. Стоит ли удивляться результатам, явившимся уже в следующем поколении?

Оно отвергло доминанту предшествующего –
сентиментальность, но тем с большей силой, не уравновешенный
никаким примеряющим началом, разбушевался цинизм.

Достоевский о «бесах» нигилистического скептицизма

Не только либеральный сентиментализм породил «бесов» рационализма и мещанского практицизма. Семена, им посеянные, дали обильные всходы на почве нигилистического скептицизма и практицизма. Семена, им посеянные, дали обильные всходы на почве нигилистического скептицизма и абсолютной иронии. Разве Ставрогин из «Бесов» это не Понтий Пилат, равнодушно умывающий руки после осуждения Христа? Поэтому именно Ставрогин – тот идейный центр романа, из которого берут своё начало все духовные разновидности зла. Кто же он, в какую идею верует? Начнём с того, что Ставрогин явно не верит ни в одну из тех взаимоисключающих идей, которыми он успел одновременно заразить Шатова, Кириллова, Петра Верховенского. «Да разглядите внимательно, ваш ли я человек», – замечает он Петру Степановичу, а в предсмертном письме объясняет, почему он даже «для смеху, со злобы» не мог «быть тут товарищем». «Я вам только, кстати, замечу, как странность,...почему это мне все навязывают какое-то знамя?» Это уже Шатову на его призыв: «Вы, вы один могли бы поднять это знамя!». Не вполне понятной и чуждой остаётся ему и идея Кириллова: если Ставрогин и атеист, то на иной манер, нежели Кириллов; тот, страстно и яростно отвергая «богочеловека», не менее страстно и яростно утверждает «человекобога», для Ставрогина же смысл неверия полностью заключён в частице «не», вера не отрицается во имя некоторой новой позитивной идеи. «Из меня вылилось одно отрицание, без всякого великодушия и без всякой силы», – замечает он, а затем прибавляет точнейшую, характернейшую оговорку: «даже отрицание не вылилось». И в этой оговорке, может быть, сущность характера и эмоционально-ценностной ориентации Ставрогина: чтобы в самом деле что-то отрицать, надо это «что-то» ненавидеть, надо чувствовать и противопоставлять ненавидимому злу любимое добро.

Пред нами, таким образом, классическая эмоционально-ценностная ориентация законченного, завершённого ироника. Ирония как философский принцип отрицает ценности не во имя их противоположностей, а во имя универсального скепсиса; отрицание у ироника не служит оборотной стороной утверждения, а существует как абсолютная ценность, само по себе. Ставрогин-ироник неуязвим именно в силу того, что в его мироощущении нет места сколько-нибудь существенным

ценностям – он не дорожит ничем: ни жизнью, ни идеей, ни репутацией.

Ставрогин, таким образом, одержим самым последним, «конечным» бесовским искушением, полным и абсолютным неприятием всех без исключения жизненных ценностей, полным и абсолютным неразличием добра и зла, отказом не от любой этической категории. Неслучайно идеи Шатова, Кириллова, Верховенского восходят к нему как к своей предтече и основе, но Ставрогин идёт глубже каждого из них в разрушении нравственного мира личности и человечества. В этом смысле его образ абсолютен, это не аллегория русского общественного сознания 60–70 годов, но всечеловеческий символ. И слова, взятые из Откровения Святого Иоанна Богослова и включённые в главу «Последнее странствование Ивана Трофимовича», не только перекликаются с образом Ставрогина, но и являются для Ф. М. Достоевского важнейшей характеристикой корней русской «бесовщины». «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: „...Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих“».

Ф. М. Достоевский и «бесы» рационального православия

Казалось бы, резко и принципиально отличается от позиций Верховенского, Шингалёва, Кириллова идея Шатова. Она сразу в комплексе отрицает тот набор ценностей, на который так или иначе опирались названные выше герои, – отрицает атеизм, нигилизм, социализм, рациональность. Его идея в отличие от многих других ясна и прозрачна: он верит в богоизбранность русского народа, в того Бога, того Христа, который есть исключительно атрибут русского православия: «Атеист не может быть русским... Неправославный не может быть русским... Единый народ „богоносец“ – это русский народ». Все эти рассуждения на первый взгляд весьма созвучны мировоззрению самого Достоевского. Поэтому делались попытки представить Шатова рупором авторитарной идеи в романе, своего рода положительным началом, противостоящим всем «бесам». Однако при ближайшем рассмотрении Шатов оказывается вовсе не тождественным автору... Прежде всего в том, что его вера не самостоятельна и не тверда. Будучи сначала приверженцем социализма и атеизма, Шатов затем получает от Ставрогина идею «русского бога» практически в готовом виде: «Нашего» разговора совсем и не было: был учитель, вещавший огромные слова, и был ученик, воскресший из мёртвых. Я тот ученик, а вы учитель».

Но есть и более существенный момент, отличающий веру Шатова от веры Достоевского. Ставрогин, со свойственной ему пронизательностью, почти сразу же нащупывает критическую точку – не в идее самой по себе, потому что это же им и порожденная идея, а в личностном освоении идеи Шатовым: «...я хотел лишь узнать: веруете вы сами в бога или нет?

– Я верую в Россию, я верую в её православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... – залепетал в испуге Шатов.

– А в бога? В бога?

– Я...я буду веровать в бога».

В этом для Достоевского заключена суть дела. Шатов идёт не от веры в Бога к пониманию сущности православия и русского народа, а наоборот: от идеи русской национальной исключительности в возможной вере, к желанию веры. Его роднит с Верховенским, Шингалёвым, Кирилловым рациональность идеи, и он, по-видимому, не способен, как будет сказано позднее в «Братьях Карамазовых», «возлюбить жизнь прежде его смысла».

Таким образом, по мнению Ф. М. Достоевского, Шатова подстерегло одно из самых тонких бесовских искушений: возлюбить Христа не в ближнем своём, а в головной абстракции, конкретно – в нации, народе.

Таким образом, мир Ф. М. Достоевского христоцентричен. Такое убеждение явилось результатом творческих исканий и всей его жизни. Еще в юности, увидев, что политика, наука, искусство, общественное хозяйство, вместо того чтобы объединять людей, разделяют их, ибо все эти дела управляются эгоизмом и частной выгодой, соперничеством и борьбою и порождают угнетение и насилие.

Увидав и осудив то, что делается на свете, он спросил: «Что же должно сделать?» Прежде всего, представилось простое и ясное решение: лучшие люди, видящие на других и на себе чувствующие общественную неправду, должны, соединившись, восстать против нее и пересоздать общество по-своему. Первая попытка исполнить это решение привела Достоевского к эшафоту и на каторгу.

Среди ужасов «мёртвого дома» он впервые сознательно повстречался с правдой народного чувства и в его свете ясно увидел неправоту своих революционных стремлений. Товарищи Достоевского по острогу были в огромном большинстве из простого народа, и, за немногими яркими исключениями, все это были худшие люди народа. Но и худшие люди простого народа обыкновенно сохраняют то, что теряют лучшие люди простого народа обыкновенно сохраняют то, что теряют лучшие люди интеллигенции: веру в Бога и сознания своей греховности. Простые преступники, выделяясь из народной массы своими дурными делами, нисколько не отделяются от неё в своих чувствах и взглядах, в своём религиозном мировосприятии. Худшие люди мертвого дома возвратили Достоевскому то, что отняли у него лучшие люди интеллигенции. Как бы забытые церковью, придавленные государством, эти люди верили в церковь и не отвергали государство. И он почувствовал и понял, что перед этой высшей Божьей правдой всякая своя самодельная правда есть ложь, а попытка навязать эту ложь другим есть преступление.

Следовательно, из каторги он вынес то, что:

1. отдельные лица не имеют права навязывать обществу свои идеи;
2. общественная правда не выдумывается, а коренится во всенародном чувстве;
3. правда имеет значение религиозное и связано с идеалом Христа, в котором отдельная личность солидарна со всеми. «Были бы братья, будет и братство», – говорит старец Зосима у Ф. М.

Достоевского.

Если этот общественный идеал Достоевского прямо противоположен идеалу тех современных деятелей, которые изображены в «Бесах», то точно так же противоположны для них и пути достижения. Там путь есть насилие и убийство, здесь путь есть нравственный подвиг, самообладание. А «самообладание» заключается в дисциплине, дисциплина в Церкви.

4. Для достижения свободы потребен «труднейший труд православный», неустанное «самообработка» – что составляет сущность аскетики.

Старец и послушник, идущий этим путём, движутся не от мира, а сквозь мир, вовлекая человека в религиозно-нравственное творчество «выделки» христианской личности. «Русский инок» становится главной фигурой у Достоевского, с ним связана оптимистическая динамика земной жизни. С иноком входит в мир мощная духовно-преображающая сила.

Поэтому, не смущаясь антихристианским характером всей окружающей его жизни и деятельности, Достоевский верил и проповедовал христианство, живое и деятельное, вселенскую Церковь, всемирное православное дело. Именно в этом ему раскрылся единственный смысл русской национальной идеи: солидарные личности несут в мир истину Христову.

«Да, назначение русского человека, есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» – писал Ф. М. Достоевский в «Дневниках писателя». И далее продолжал: «Указать исход европейской тоске своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в неё с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой. Общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!».

Но, будучи религиозным человеком, Достоевский был вместе с тем и могучим художником, поэтому «в своих убеждениях он никогда не отделял истину от добра и красоты, в своем художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины. И он был прав, потому что эти три живут только своим союзом.

Добро, отделенное от истины и красоты, есть только непреодолимое чувство, бессильный порыв, истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир. Для Достоевского же это были только три неразлучные вида одной безусловной идеи. Открывшиеся в Христе бесконечность человеческой души, способной вместить в себя всю бесконечность

божества, – эта идея есть вместе и величайшие добро, и высочайшая истина и совершеннейшая красота» – писал В. С. Соловьев. И действительно, истина есть добро, мыслимое человеческим умом, красота есть тоже добро и та же истина, воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение уже во всем есть конец, и цель, и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасёт мир.

Но, к сожалению, его идеи, простые и ясные, остались не услышанными в XX в. Потребовался грандиозный историко-метафизический эксперимент тоталитаризма, приведший к гибели миллионов людей и разрушение почти всех сфер жизнедеятельности общества, чтобы избавиться от рационалистических иллюзий распространившихся в сознании значительной части людей XX в., прогрессизма, утопии построения на земле Царство Божия без Бога.

Великая война

Прошло уже 70 лет с того момента, как отгремели последние залпы самой кровопролитной в истории человечества войны. За это время в мире было издано огромное количество исследовательских работ, мемуарной литературы, архивных документов и других материалов, посвященных данному событию. Но, несмотря на обилие самых разнообразных фактов, оценочных суждений, объективной истории Великой Отечественной войны ещё не создано. Продолжает сохраняться разногласия в интерпретации конкретных событий войны. Нет единодушия в стане бывших союзников по антигитлеровской коалиции по вопросу о значимости фронтов и роли стран в разгроме фашистской Германии. Вследствие этого к старым мифам и легендам времён «холодной войны» добавляются новые. Поэтому в работе, которая выносится на ваше рассмотрение, будет предпринята попытка анализа не всех проблемных вопросов, но наиболее спорных и неоднозначных, на мой взгляд, а именно:

1. кем была развязана II Мировая война;
2. объективные и субъективные причины неудач Красной Армии на I этапе войны.

Выделяя данные проблемы в качестве основных в истории Великой Отечественной войны, я имел в виду:

1. их значимость для понимания последующих периодов и событий войны;
2. большое количество самых разнообразных толкований, а порой и сознательных фальсификаций по политическим и идеологическим мотивам.

В качестве источников для написания данной работы были использованы воспоминания советских полководцев: Г. Г. Жукова, А. М. Василевского, И. С. Конева, С. М. Штеменко, В. И. Чуйкова, 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», изданная в 60-е гг. XX в., 10 т. «Всемирной истории», «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945» 1967 г., а также работы западных исследователей: А. Кларка, У. Ширера, С. Митчема и других.

Анализ и критическое сопоставление сведений, сообщаемых в указанных материалах, позволяет достаточно объективно решить поставленные задачи.

Как началась II Мировая война

В советской историографии вопрос о том, кто развязал II Мировую войну, решался однозначно. Главным виновником называлась гитлеровская Германия, агрессивные аппетиты которой поощряли западные державы (в первую очередь Англия и Франция). В качестве аргументов назывался «Мюнхенский сговор» и неудачные попытки СССР создать систему коллективной безопасности в Европе, безрезультатные контакты между Англией, Францией и СССР в 1939 г. по проблемам военной безопасности. Затягивание переговоров и стало, по мнению советских историков, главной причиной подписания в 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Западные историки, игнорируя Мюнхен и советские мирные инициативы, акцентируя внимание на экономическом сотрудничестве Советской России и Германии и однотипности политических режимов, сложившихся в этих странах, трактуя пакт Молотова-Риббентропа (особенно секретные протоколы о разграничении границ) как соглашение двух диктаторов о координации действий в борьбе с демократическими государствами Европы, делали вывод и о некоторой причастности Сталина к развязыванию II Мировой войны. А самые одиозные и ангажированные из них стремились доказать равную виновность лидеров двух самых сильных тоталитарных государств в «поджигании войны». Все эти вопросы и будут предметом исследования данной главы.

С момента захвата Гитлером власти в 1933 г. английское и французское правительства пошли ему на гораздо большие уступки, чем они были готовы сделать предшествовавшим германским демократическим правительствам. При каждом повороте событий они демонстрировали склонность избегать осложнений и уклоняться от решения трудных проблем.

В своих планах на будущее и в своей политике Гитлер руководствовался идеями, сформулированными им в выступлении перед своими главными помощниками и высшим генералитетом 5 ноября 1937 г., основной смысл которых был затем изложен в сохранившейся протокольной записи, составленной его военным адъютантом полковником Хосбахом. Гитлер считал, что Германии необходимо более обширное «жизненное пространство» (лебенсraum) для своего растущего населения, если немцы хотят иметь возможность поддерживать свой жизненный уровень. По его мнению, Германия не может рассчитывать, что сумеет самообеспечить себя, особенно продовольствием. В равной мере она не может получать то, что ей

необходимо, путём закупок, поскольку это связано с более крупными расходами иностранной валюты, чем она может себе позволить. Перспективы расширения доли Германии в мировой торговле и производстве также ограничены тарифными барьерами других стран и недостатком денег у самой Германии. К тому же метод получения необходимых сырьевых ресурсов извне поставит Германию в зависимость от иностранных государств и в случае войны грозит ей голодной смертью. Гитлер сделал вывод, что Германия должна приобрести более обширное пространство, пригодное для сельского хозяйства, в малонаселённых районах Восточной Европы.

Эти идеи шли гораздо дальше первоначального желания Гитлера вернуть территории, отнятые у Германии после первой мировой войны, но западным государственным деятелям, которые позднее будут претворяться, что они о них якобы ничего не знали, эти идеи не были знакомы. В 1937–1938 гг. многие из этих деятелей откровенно излагали своё подлинное мнение, конечно, не в публичных выступлениях, а в частных беседах. Они с большим сочувствием относились к стремлению Гитлера приобрести «жизненное пространство» и ставили его об этом в известность. Но они избегали излагать свои взгляды по вопросу, как можно побудить владельцев этих территорий уступить их, за исключением угрозы превосходящей силой.

Услужливость, с которой английское и французское правительства восприняли вступление немецких войск в Австрию и включение этой страны в «третий рейх», ещё более разожгла аппетиты Гитлера. Дополнительное поощрение он получил, когда узнал, что премьер-министр Англии Чемберлен и министр иностранных дел Галифакс отклонили после захвата Австрии советское предложение о коллективных действиях против немецкой агрессии.

А после того, как Чемберлен уступил требованиям Гитлера и активно помог ему навязать немецкие условия Чехословакии, войска Германии 15 марта 1939 г. вступили в Прагу. Вызывает недоумение и позиция Польши, следующей жертвы немецкой агрессии, правительство которой предъявило территориальные претензии к Чехословакии и в мае 1938 г. сосредоточило у чешской границы 3 дивизии и бригаду пограничных войск, создавая тем самым угрозу с тыла и помогая Гитлеру добиться капитуляции Чехословакии. Серьёзным шагом по пути эскалации конфликта в Европе стало резкое изменение политического курса Великобритании, заявившей в 1939 г. о своей поддержке Польше против любой акции, которая создаст угрозу её независимости.

Данная Польше гарантия была наиболее верным способом

ускорить взрыв и мировую войну. Гарантия сочетала в себе максимум искушений с явной провокацией. Она подстрекала Гитлера продемонстрировать бесполезность подобной гарантии стране, находящейся вдали от своих западных союзников, делала строптивых поляков ещё менее склонными идти ему на уступки и одновременно делала невозможным для него отступить без потери лица.

Единственный шанс избежать войны лежал теперь в том, чтобы заручиться поддержкой Советского Союза – единственной державы, способной оказать непосредственную помощь Польше и таким образом сдержать Гитлера. Но, несмотря на срочность положения, английское правительство действовало медленно и неохотно. Чемберлен относился к Советской России с острой неприязнью, а у Галифакса она вызывала сильную религиозную антипатию. Оба они к тому же недооценивали мощь Советского Союза и переоценивали военную силу Польши. Резкая реакция Англии и её удвоенные усилия по перевооружению потрясли Гитлера, но эффект получился прямо противоположный задуманному. Чувствуя, что Англия становится противницей германской восточной экспансии, и, опасаясь, что, если он замешкается, пути будут закрыты, Гитлер пришёл к выводу о необходимости ускорить акции по приобретению «жизненного пространства». Но он видел лишь один путь, как избежать общей войны. Проглотив свою ненависть к социалистическому государству и страх перед коммунизмом, он направил усилия на то, чтобы примириться с Россией и обеспечить её невмешательство. Это был поворот в политике ещё более поразительный, чем перемена политического курса Чемберлена, и такой же роковой по своим последствиям.

Что же касается СССР, то Сталин, справедливо не доверяя Англии и Франции и надеясь оттянуть войну на более длительный срок, пошёл на переговоры с Германией. Но пакт о ненападении, подписанный 23 августа 1939 г., позволил Гитлеру без лишних осложнений захватить Польшу и выйти к западным границам СССР. Следует признать также и ошибочность внешнеполитических акций СССР, которые вызывали беспокойство и недовольство Гитлера, заставив его форсировать подготовку к войне с СССР. Речь идёт, в первую очередь, о вводе Сталиным дополнительных войск в Литву, Эстонию и Латвию в июне 1940 г., когда военные действия во Франции ещё продолжались. Гитлер счёл себя обманутым партнёром по договору о ненападении 1939 г. Затем 26 июня Россия, вновь не уведомив Германию, направила ноту Румынии, потребовав немедленного возвращения Бессарабии, а также передачи

Северной Буковины в порядке «небольшой компенсации» за то, что у России была «насильственно отторгнута» бывшая провинция в 1918 г.

В результате Россия оказалась в опасной близости от румынских нефтяных полей, с которых Гитлер рассчитывал получать нефть для своих потребностей теперь, когда он был отрезан от заморских источников. В последующие недели эта опасность вызывала в нём всё возрастающую нервозность и беспокойство по поводу её возможных последствий для немецкого воздушного наступления против Англии. Соответственно его подозрения к намерениям Сталина усилились. 29 июля Гитлер заговорил с генералом Йодлем, начальником штаба оперативного руководства вооружёнными силами, о возможности войны с Россией, если последняя попытается захватить румынские нефтяные источники. А русско-финская война и отказ СССР 12 июня 1940 г. присоединиться к странам «оси» заставили Гитлера усмотреть в позиции Сталина зловещую уклончивость.

Таким образом, не может вызывать сомнение тот факт, что основной взрывной силой, втянувшей мир в бездну войны, стал злой гений Гитлера. Но и западные демократии не могут полностью избежать ответственности за её начало. В своём стремлении избавить мир от коммунизма с помощью Германии, сотрудничая с ней, они фактически создали возможность для приобретения «жизненного пространства» на Востоке, которое фюрер требовал с начала своей политической карьеры. Нельзя назвать безупречной и внешнюю политику СССР, особенно после подписания в 1939 г. договора с гитлеровской Германией. Последующие действия Сталина на международной арене практически не позволили нашей стране воспользоваться результатами этого дипломатического успеха. Поэтому слова Б. Лиддел Гарта очень точно характеризуют состояние Европы в последние предвоенные годы: «...если позволить кому-либо разогревать котёл до тех пор, пока давление пара не достигнет опасной точки, а затем закрыть предохранительный клапан, то подлинная ответственность за взрыв будет лежать на тех, кто это сделал».